

Алексей ВИНОГРАДОВ

Алексей Виноградов родился в 1974 году в Ленинграде. Закончил факультет журналистики СПбГУ. Возглавляет Благотворительный фонд «Софья», занимающийся социальной и трудовой адаптацией людей с инвалидностью. Публиковался в поэтических сборниках «Птица книг» и «Хлопоты», выпущенных в галерее «Борей» в середине девяностых. Проза публикуется впервые.

ДЕНГЕР

Повесть

*Душа табуника, я к тебе обращаюсь
камланием. Душа табуника, ветер сделай себе
конем. Душа табуника, превращайся ты в
ветерок. Итак, душа табуника, приходи на гору
Кызыл-Дат. Он такой табуник, у кого много
малых детей. Он такой табуник, у кого жизнь
еще впереди. Пусть он будет жить спокойно и
благополучно, под луной и под солнцем пускай он
еще живет. Его душа приходит. Спешите
выловить ее. Спешите взглянуть на нее. И ты,
потерянная душа, ветерком сюда прилетай.
Табуник, вот твоя душа, скорее поймай её.
Табуник, храни свою душу, превращенную в волос.
Табуник, я тебе вернул твою душу-бродягу.
Табуник, я нашел твою душу в небе Денгер.*

Шаманский алгыш

Кресло 7А. Долгий рейс с пересадкой «Петербург-Москва-Абакан». Помнишь, ты спрашивала, что за амулет пришел бандеролью из поселка Верхнеусинское? Пятнадцать лет назад. Он лежит у нас на полке в гостиной. Такой... кнут, вырезанный из кости.

Я отшучивался, но теперь расскажу.

I

Абакан... да... Пятнадцать лет назад я случайно оказался в Абакане. Ну, или я так думал, что случайно. У них это называется «таварылга». Один ничего не значащий случай – и все меняется. Это даже не судьба. Просто так легли карты.

Не планировал это делать. Скажу больше – вообще ничего не планировал и не хотел знать. Я был то ли жив, то ли мертв – и сам понять не мог. *Прошла всего неделя с того дня, как я увидел тебя, лежащей... Нет, постой. Я не с того начал.*

В тот день я развернул «Из рук в руки», она валялась на кухонной табуретке, – таварылга, – порылся в главе «Работа». Неплохие деньги для умных людей, – всего одно предложение. Я позвонил. Да, это могла быть сетевая дрянь, но я позвонил.

Работодателя звали Юрий Иванович, и предлагал он дело простое и нужное: закупать в Сибири кедровый орех. Я согласился. Мне нужно было забыть... Уехать на край мира. Сменить обстановку. Хакасия? Ок. Да и деньги неплохие.

Встретились. Юрий Иванович сразу подсунул договор.

– Так сразу? – удивился я.

– А чего время терять? – возразил он. – Сезон на носу.

Я заосторожничал:

– Деньги на закупку... билеты, опять же.

– Будьте уверены, деньги есть, – отрезал он. – в Абакане вас встретит партнер, он с деньгами. Просто за ним... как бы это помягче... контроль нужен. Провинция, одно слово.

Следует получасовой боевой инструктаж. Я ставлю на договоре закорючку, а через день в аэропорту уже получаю билеты из рук Юрия Ивановича. Он вообще странный тип: высокий, лысый, сухощавый – в льняном костюме, дорогая обувь – видно, что никуда не спешит, но с другой стороны – как капля ртути, перекачивается туда-сюда в поисках свободы. Я узнал, где лучше в Абакане обедать, куда ходить и как себя вести, узнал, что селиться выгодней в гостинице «Хакасия», – недорого, но с комфортом. На вид моему работодателю было лет шестьдесят, доверие он внушал и пообещал премию в конце сезона. Это помимо зарплаты и карманных расходов. Сумму он не назвал, но я тогда не придавал особого значения и этому, и многому другому. Мне надо было уехать – и я уехал.

II

В Абакане воздух теплый и сухой. Вроде осень, но... другая какая-то осень. Низкие сопки, степь на все четыре стороны, докуда хватает глаз.

Аэропорт, обглоданный временем, торчал приветом из 80-х – когда империя, еще живая, рожала в пространство кубы из бетона и стекла, разукрашенные наивным пластиком. Все казалось игрушечным: пассажиры – пластмассовые солдатики – со взлетной полосы тащились к выдаче багажа, толкались в ожидании, вертушка крутилась, тюки ползли на выдачу. Через полчаса аэропорт опустел. Меня никто не встретил. По номеру, данному Юрием Ивановичем, не отвечали. Ладно, подумал я, – лиха беда начало. Подхватил сумку, вышел на стоянку.

Таксисты замельтешили, наперебой предлагая недорого и быстро. Я выбрал парня попроще, отозвал в сторонку, потолковал. Таксист не очень донимал, но пару дежурных вопросов задал: кто я, да откуда. Ответил вежливо, но так, чтобы не лез больше. Он это понял.

Пока ехали, удалось немного рассмотреть город – выдающегося ничего, метод строительства квадратно-гнездовой, а так... чем не Питер. Район Московского. Те же панельки, только поменьше этажей, те же сталинки, желтые и с колоннами. В парках – деревья. В фонтанах – вода. У людей – две ноги и две руки.

Гостиница – обычная серая пятиэтажка с вывеской «Хакасия». Таксист помог достать сумку из багажника, получил две сотни, еще пятьдесят на чай. Одобрительно пробурчал что-то вроде «спасибо». Я направился ко входу.

Заверещал мобильный. Звонил тот самый партнер, который должен меня встретить. Имя – простое, ровно настолько, чтоб дважды переспросить – Эюб. Он жаловался на сломавшийся автомобиль, племянника, который чего-то там обещал, но не смог, тут же уверял, что через час машина будет на ходу... Это он вовсе не извиняется, – понял я вдруг, – просто порядок такой. Договорились встретиться в «Хакасии», а потом осмотреть базу, на которой предстоит работать.

Они явились ровно через час. Эюб – азербайджанец с усталыми, огромными глазами, жесткие черные волосы, залысины, выпуклый лоб, манера говорить, наклонив голову вперед и пристально смотреть в глаза собеседнику. Взгляд Эюба был ясен, без этой вечной азиатской хитрецы, – хороший, спокойный взгляд. На вид лет сорок – так и оказалось, когда позже, на базе, я переписывал его паспортные данные, чтобы оформить доверенность на автомобиль. Красивое слово: доверенность. Да, мы друг другу доверяли. Но это уже – потом.

С Эюбом прикатил худощавый, жилистый мужичонка с гладко выбритым до синевы лицом отчаянного пропойцы – тот самый племянник? – решил я, но вовремя

одумался. Константин. Голос на редкость не соответствовал заурядной внешности – хорошо поставленный, глубокий, чуть с хрипотцой. Вещал Константин отчетливо, расставляя акценты и делая умные паузы в словах.

В общем, эти двое явились ко мне в гостиницу. После взаимных рукопожатий – руки я им пожал чуть сильнее, чем обычно, чтобы не сойти за столичную штучку, правда, не уверен, что получилось, – обменялись общими словами про погоду и поехали на базу.

База оказалась как все базы. Промышленный район. Называлась громко, по-советски: «Облпотребсоюз». От союза остались холодильники, которые растаскивали на цветмет. В свое время Эюб с Костей пришли к директору с предложением отдать им в аренду склад, тот готов был приплатить, только избавиться от головной боли. Случилось это, по словам Эюба, два года назад. С той поры они на базе и обитают. Закупают кедровый орех для партнера в Питере.

– Для Юрия Ивановича? – зачем-то уточнил я.

Эюб вздрогнул, будто не ожидал моих слов. Кивнул. Но при этом как будто сник, стал мельче, ссутулился.

– Давай лучше чай пить, – сказал он. – Я свежие булки принес.

Расположились в вагончике, у ворот. Вагончик служил на овощебазе сторожкой и офисом одновременно. Эюб вытащил из шкафа сдобу в фарфоровой, расписанной глазурью кондитернице, разлил в стаканы чай. Костя все это время меланхолично смотрел в окно и повернулся к нам лишь когда речь зашла о деньгах.

– Стало быть, за орехом приехал? – спросил Эюб, стуча ложкой о стакан.

Я промолчал. Надо сказать, что роль закупщика мне далась легко. В орехах я ничего не смыслил, но мне было пофиг. Как я уже говорил, я хотел *все забыть*.

И вот я в Сибири. С кем-то знакомлюсь, куда-то езжу. Сажу среди незнакомых людей, киваю головой, пью чай. Отлично. Начало положено.

Эюб и не ждал ответа. Важно покачал головой:

– Приехал – и хорошо. Тут земля богатая. Все есть. Пушнина есть, дикоросы есть, даже золото. И все дешево. Только покупай. А конкретно по поводу ореха – вот что: я уже тут в одну деревню съездил, кое с кем переговорил. Деревня далеко, почти у самой тайги. Ну, и это не проблема. Мы в прошлом месяце японца взяли, пятитонник. Кантор. Пойдет для таких целей. Зато раз далеко, то и в деньгах выйдет полегче.

Тут Костя встрепенулся:

– Тебе Юрий Иванович какую цену на орех дает?

Я назвал. Костя присвистнул, потер руки. Потом, переглянувшись с Эюбом, наклонился ко мне и прошептал:

– В Отроке, куда завтра поедем, на десять рублей дешевле. Понимаешь, к чему клоним?

Я сообразил быстро:

– Десять на три не делится.

Эюб крякнул от неожиданности:

– Ладно, нам по три. Тебе четыре. За сообразительность. Идет?

– Идет, – ответил я. Роль закупщика мне уже нравилась.

Так и решили – на завтра ехать в Отрок.

III

Чаепитие на овощебазе завершилось. Я поймал такси, добрался до гостиницы. Стемнело. Теплая осень, встретившая днем, уже стала неосенью, обрушившись с окрестных предгорий холодом. Абакан же, словно назло природе, рос в пределах этой температуры, расширялся на холоде светом теплых окон. Я думал: как я быстро оказался за тысячи километров от дома. Может, потому что и дома-то не было. Так... бестелесная память.

В кармане хрустели банкноты, выданные Эюбом на карманные расходы – плотно так хрустели. А может, и здесь – дом? – подумал я, снова набирая Эюба. Он, тонкая ниточка человеческого, связывал меня с этим новым городом, а город, судя по всему, ждал меня сегодня в гости.

Хотя, когда он поднял трубку и выдохнул свое столетнеуставшее азиатское «да», я понял, что рассчитывать на него сегодня не могу. Он из другой версии этой игры. Он на другом уровне. Он не со мной. Поэтому я обменялся парой фраз с Эюбом, – ничего не говорящих, но фраз, – подтвердил время завтрашнего отъезда в Отрок и просто вышел из гостиницы... просто запер дверь... просто спустился по лестнице.

В квартале от «Хакасии» манило неоновой вывеской кафе «Незабудка». Народу мало. Присев за столик у окна, я огляделся. Девушка через три столика привлекла внимание. *Она не могла не привлекать внимание.* Высокая, одного со мной роста. Одета как школьница – короткая юбка в клеточку, гольфики-чулки и белая блузка, на спинке стула небрежно накинут плащ. Она читала книгу – надо же, – отхлебывала кофе, изредка поднимая глаза. Наконец, посмотрела на меня. Я улыбнулся. Из-под копны русых волос на меня взирали озорные, огромные серые глаза. Смотрит на меня, улыбается, а улыбка – как тонкая, юркая змейка. Вот-вот ускользнет.

Я подошел, кивнул на свободный стул

– Можно?

Она вполне по-деловому вскинула руку, посмотрела на часы.

– Еще десять минут можно.

– А потом что?

– А потом на работу.

– Ночная смена на заводе? – съязвил я.

– Ну, как-то так. Хотя заводов в Абакане давно нету.

– Алексей, – представился я.

– Стася, – отозвалась она. Надо же, какое редкое имя.

Помолчали, разглядывая друг друга.

– Командировка? – спросила она. – Где остановился?

Я улыбнулся.

– В «Хакасии».

Она вдруг перестала улыбаться, поправила волосы. Глядя прямо мне в глаза – я чуть не завяз в ее сероглазости – выговорила:

– Ясно. Значит, вышел между делом прогуляться. Девчонки, клубы, то-се, позажигать? На самом-то деле ты совсем о другом думаешь. О чем? Боишься? Жена дома ждет?

Улыбка сползла с моего лица. Я даже разозлился.

– Жена не ждет.

Ты знаешь, почему я так сказал. И даже не соврал ни разу.

– Ждет. Отпустить не хочет. – Стася захлопнула книгу, я успел увидеть на обложке что-то про историю степных народов. – Это сразу видно. Когда мужик совсем один – он другой. Я чувствую.

– Ведьма, что ли? – усмехнулся я.

– Может, и так, – опять по ее губам проскользнула улыбка. – Ладно. Пора мне.

– Может, завтра встретимся? – я все еще не терял надежду.

– Завтра отсыпаться буду.

– А потом?

Она еще раз меня оглядела, закинула в сумку книгу, встала, подцепила плащ и вздохнула.

– Может, и встретимся... по работе. Шутка. А может, и не шутка.

Стася походкой модели направилась к выходу, но – вот беда! – у порожка споткнулась и чуть не растянулась на полу. Вернув равновесие своему идеальному телу, она обернулась, улыбнулась мне и растворилась за дверью кафе «Незабудка».

Даже не знаю, что сказать об этом. В полутьме, на фоне унылой забегаловки, эта девчонка смотрелась как артефакт иного мира. Как она сюда попала? Для чего? Я вернулся в гостиницу. Не разбирая багаж, завалился спать, но еще долго в мыслях маячила чертова сероглазая аборигенка. Так отшила меня, и так улыбнулась напоследок. Я ворочался. Не спалось. Все было новым – город, люди, кровать. Пахла кондиционером жесткая наволочка, лежбище для тысяч лиц, проскользнувших через мой сто первый номер дальше во времени. Не об этом ли я мечтал еще недавно, *когда... ты была со мной...*

Помаевшись, я все же заснул. Мне снилась эта Стася. Она улыбалась, но вдруг улыбка юркой змейкой соскользнула с губ и шлепнулась на пол кафе «Незабудка», оставив нежно-перламутровый след губной помады на серой кафельной плитке... Сперва змейка замерла, а потом поползла прочь.

Я проснулся от шороха. Он раздавался рядом с кроватью. Зажег ночник, свесил ноги с кровати. В полуметре от прикроватной тумбочки шевелилась змея.

Ч-черт! Я подскочил, забрался с ногами на кровать. Змея шуршала, перемещаясь где-то вдоль плинтуса. Я опасался смотреть, где она, но, когда еще раз бросил взгляд на паркет, увидел, что змей уже несколько. Они сплетались в черный клубок, снова расплетались и тихонько шипели.

Телефон далеко, на столе. Ни швабры, ни палки. Черт-черт-черт. Тут я наконец крикнул. Тишина. Крикнул еще раз. Никто не отозвался. Я закрыл глаза, подобрал ноги и стал считать до ста. Не досчитал. Сам не помню, как выбрался в коридор. Там должна быть дежурная. Вот сейчас, за тридцать шестым, налево, и... Она там была. Спала, уронив голову на руки, прямо за столом. Настольная лампа выхватывала ее пергидрольные кудри из ночного сумрака.

– Эй, можно вас... – тихо позвал я.

Не слышит.

– Эй, – повторил я и ткнул ее в сдобный бок. Дежурная подняла голову и уставилась на меня слезящимися от сна глазами. Зевнула:

– Чего тебе?

– У меня в номере змеи.

– Какие еще змеи среди ночи? Тут отродясь змей не было. Ты че, обдолбался?

Я завелся:

– Я вам говорю: змеи. Везде.

Она еще разок громко зевнула, посмотрела многозначительно и полезла в каморку за шваброй и ведром. Вышла, шмыгнула носом:

– Ну, vedi, змеелов.

– Сто первый.

Потом... потом мы вошли в номер. Она потянулась к выключателю, но мне и так стало все понятно. Никаких змей. Бодрую вспышку стоваттной лампочки встретил прибранный, чистый гостиничный номер. Ну, только растрепанная койка, едва распакованный чемодан...

– Не успел приехать, – шипела, как змея, дежурная – впрочем, так, чтобы я не слышал, – а уже обдолбанный... вот люди.

Утром я проходил мимо, она долго и тяжело смотрела мне в спину. Я это чувствовал. Спустившись по узкой лестнице, выбрался на залитую солнцем улицу. Киоск «Роспечати» ютился у входа, еще закрытый. Стояли такси – целых пять машин. Я выбрал авто, прыгнул на заднее сиденье и бросил рябому водителю: «База Облпотребсоюза».

В Отрок прикатили вечером. Дорога шла через ручей, – там оборачивалась деревянным мостом, шатким и ненадежным, вливалась в деревню, раздваивалась. Направо жил староста Михалыч, налево, просочившись еще через пару десятков дворов, уходила в тайгу тропинка-не тропинка, а так, по чему ехать еще можно, но спотыкаясь. Так вот, за мостом, там, где путь раздваивался, стоял колхозный двор с зерносушилкой и сараями. Там же была контора, торчали весы амбарные под навесом, и с десятков мешков каких-то семян прели прямо под небом. Образцовый колхозный двор.

Мы с Эюбом и Костей стояли посреди двора с Михалычем, терли за жизнь.

Эюб носком сапога поддел разорванный мешок. Мелкие семена вспорхнули в воздух, осели. Я тоже пнул кучку семян, и она тоже разлетелась в разные стороны. Михалыч недовольно буркнул:

– Ты это, осторожней. Добро ведь. Денег стоит. Пойдем лучше в конторку, потолкуем.

Мы прошелестели по высокой, пыльной траве, выжженной дожелта солнцем и устланной редкими опавшими листьями, пересекли двор и подошли к низкому сараю. Михалыч отпер амбарный замок; пригнув головы, мы гуськом вошли в полутемное помещение, где пахло сеном и стружками.

– Добро пожаловать в офис, – произнес хозяин, сгребая со крепкого дощатого стола пару бутылок из-под пива и неопознанные крошки. – Садитесь, гости дорогие.

Пока все расшаркивались да пыхтели, усаживались на скрипучие табуретки, я огляделся. На стене висел пастуший кнут, в углу приютилась пузатая кадушка, накрытая сверху плесневелой марлей, – огурцы, по запаху слышно. В квадратном оконце, ровно поделенном на четыре краюшки, виднелось изжелта-белое солнце, да муха подзуживала в паутине. И все. Далее темной стеной вставала тайга, а над ней голубое небо протаскивало облака, будто перья через гребенку. Вот здесь было – «тут», а около стены таежной – уже было «там». Я чувствовал, как что-то ворочалось в ближней тайге, словно фиолетовые клубы чернил в трехлитровой банке с водой, ухало и ждало...

Михалыч, увидев, как я гляжу в окно, откашлялся:

– Да, дурная нынче тайга. Гхм. Дурная. Опасная.

– И давно она... такая? – я кивнул в сторону леса. Староста провел шершавой ладонью по лысине – щетина только что не заискрилась. Вздохнул обреченно.

– Так ить... второй день уже. Собаки в лес бегли раньше, а теперь и не пробуют. Вовсе не хотят бежать. Лошади упираются, не идут. Да что лошади. Вон Алтын-чой, старый хрен, и тот заперся в доме, все своему богу молится. А раньше ничего, каждый день по тайге шлялся. Я его Людку спрашиваю – мол, чего он. Она говорит: нет вовсе тайги. Все. Закончилась тайга. И Алтын-чой с ней закончился. Я ей: дура, чего врешь? Но и старики говорят – уж триста лет такой тайги не было.

– Сам-то в лес не совался? – поинтересовался Эюб.

– Не твое дело, – вдруг окрысился Михалыч. – Вы чего приехали? Кедрач покупать? Так и предлагайте свои условия. А то с вами сидеть – только время тратить.

Похмельный Константин, до того молчавший, встрял в разговор. Поморщил лоб для пушей важности и начал, не торопясь.

– Да кедрач-то мы купим – самой собой. А сколько ты его дашь?

– Прошлогодний? А те сколько надо? Столько и дам, – оживился Михалыч.

– Вон там, – Константин кивнул на дверь, – во дворе машина стоит, видел? Кантор. Туда пять тонн входит.

– Пять тонн? – восторженно ухнул Михалыч, – это где ж я тебе столько возьму? У меня есть только тонны полторы. По деревне поспросать надо. Авось насобираем. Ну, а почем брать будете? Ты только учти, – у нас в энтот год дешево не отдадут. Кедрача мало уродилось. Так что не обессудь.

Эюб поманил Михалыча. Тот подставил ухо, и Эюб шепнул цифру. Михалыч изменился в лице, задумался. Потом в себя пришел.

– Это чего это?

– Повторить, что ль? – нахмурился Эюб

– Не надо, мил человек. А почему цена такая?

– А вон, его спроси, – Эюб весело посмотрел на меня, – он и есть благодетель ваш, из Питера приехал. Говорит – острая нехватка ореха кедрового, выручайте. Так что, Михалыч, выручай.

– Ага, – смекнул Михалыч. – Ну, тогда выручим. Дело ясное. Только вот что... чтобы для ясности...

Он полез под стол, пошарил там, и на столе объявилась трехлитровка с чистым как слеза первачом, заткнутая вместо пробки газетным ошметком:

– Ну, за встречу, стало быть...

Через час Михалыч, Костя и Эюб, изрядно хлебнув самогона, катались по деревне – наши на канторе, Михалыч на служебном уазике – и скупали что ни попадя, – азарт ведь приходит не сразу, – спустя полчаса сонные жители понимали, чего от них хотят, спустя еще час до них доходило, что выгадать на этом деле можно немало... потом торговались до слюней, а после грузили мешками, – я же просто сидел в конторке и глядел в окно. Первач растекся по крови благодатью, но в полудреме я видел темную и враждебную силу, что сидела за стеной леса и поджидала кого-то. Тайга. Я высматривал что-то в лиственном частоколе, на верхушках скалистых холмов – но там все было мерно и тысячелетно, – я высматривал что-то в жухлой траве под окном, я смотрел везде – но не мог высмотреть... не мог даже понять, что ищу, только все больше понимал, что я это видел где-то, давно-давно... А ветер все усиливался, и я проваливался в сон...

Вдруг хлопнула дверь. Михалыч, разгоряченный и запыхавшийся, ввалился в конторку.

– Слышь, это... Алексей... я чего хотел сказать-то. У Алтына, я тебе говорил про него, – тоже кедрача дохера. Тонны две в амбаре, чтоб ты знал. Только он не отдает. Людка стеной встала: говорит, не пушу. А тут он сам меня позвал и спрашивает: что за люди приехали? Я говорю: серьезный человек, из Питера. Алтын-чой говорит – зови его. Так что иди. Может, сторгуешься. У него дом второй отсюда. Сразу найдешь. Только это... осторожней там. Он шаман. Мало ли чего.

Хлопнула дверь. Зарычал уазик, и опять все стихло.

Надо же, шаман. А что, может, сторгуюсь и с шаманом.

Выйдя на улицу, я почувствовал, что ветер усиливается – веет от тайги то ли теплом неземным, то ли холодом... вот как поздней осенью полыхнет не пойми чего – заморозок ли, оттепель, и все внутри перевернется от этой влажности, животной и ласково-неласковой, как в детстве очутишься, а потом бегом назад, в сиюминутность, чтобы только душа там не осталась.

Темнело. Я отыскал нужный дом. Собаки лаяли в дальних дворах – надрывно, – видать, наших закупщиков гоняли. Тарахтел двигатель вдалеке – по звуку я понял, что это наш движок. А здесь было тихо, как во сне. Только ветер трепал волосы и кружил листья. У калитки стояла женщина – приземистая, в коричневой кофте и спортивных штанах. Окликнула меня:

– Эй! Ты к нам, что ли?

Я приблизился. Она была раскоса и некрасива.

– Ты из Питера?

– Ну, я. А ты Люда?

Не ответив, она поманила в дом. От ее волос пахло полынью – я был охвачен этим странным для тайги запахом, как каким-то колдовством. Миновав горницу, сняв ботинки, она открыла глухую дверь и втокнула меня в комнату.

В сумеречном свете, падающем из окна, я увидел, что на кровати полусидит-полулежит старик. Лицо его иссохло, как печеное яблоко, кожа – оттенка песка, а волосы седы и заплетены в косу. Я стоял и смотрел на него, а он лежал с закрытыми глазами и, похоже, спал.

Нет, не спал. Скрипнули пружины матраца, старик заговорил, будто продолжая давно с кем-то начатый разговор:

– ...осенью совсем худо. Ноги ноют, спина ноет. Тайга не хожу – тайга сама ко мне ходит. Раньше так было, теперь нет. – Алтын-чой монотонно бубнил и жаловался, а потом вдруг спросил – негромко и внятно:

– К нам за орехом приехал?

Я запнулся от внезапного перехода.

– За орехом, да.

– А давно?

– Вчера в Абакан прилетел.

– И зачем тебе орех тот? – он прищурился.

Я пожал плечами. Помолчал, огляделся. Пламя керосинки еле-еле выхватывало реальность: убогая комнатка вся заставлена старой мебелью, как антикварный магазин, в буфете стоят громоздкие сервизы в цветочек и даже в благородную петербургскую клетку, торчат аляповатые балерины из гипса, глупо смотрят друг на друга раскрашенные зверушки. Топилась лежанка, и в четырех кружках на железной дверце плясал, уютно потрескивая, огонь. Тепло. Дом.

– Орех мне нужен, чтобы продать. Денег заработать. Так что, если у тебя есть орех, я куплю. По хорошей цене, – заявил я.

Алтын-чой не ответил. Старик задумался, его отрешенный взгляд скользил по тем же самым местам, что осматривал я. Только тревожен он был, словно искал что-то, губы двигались, шептали какую-то невнятицу еле слышно. Я кашлянул. Алтын-чой медленно перевел взгляд на меня, и бормотание его превратилось в связную речь:

– Вот что скажу тебе. Молчи, слушай. Ты говоришь так, а вот что скажу: знаю, что с севера пришел. Знаю: не за деньгами приехал. У тебя горя много было, и от горя ты здесь спасешься. Душа твоя – он похлопал узкой ссохшейся ладонью по груди, – не здесь. Правильно приехал. На небо тебе надо.

Я хмыкнул:

– Рано мне еще на небо.

– Слушай, не спорь. В Козино иди, про птицу спросишь. Душа твоя на небе Денгер. Ждет тебя... птица.

Я осторожно попятился к двери. Не хватало мне еще умалишенного тувинца. Поди, за ружье схватится да пальнет... вот, елки-палки, за орешками приехал. Алтын-чой расхохотался. По-стариковски тонко, почти визгливо, он проскрипел:

– Бояться не надо. И не тувинец я. Уйгур.

– А что, есть разница? – ляпнул я. Потом только до меня дошло, что я ведь его тувинцем вслух и не называл. Так, подумал...

– Есть, – кивнул он. – А ты сделай, что говорю. В Козино иди. Если успеешь – Макарку найдешь, он птицу видел. В Козино сходишь – орех твой. Услышал меня?

Я кивнул.

– Иди, – приказал Алтын-чой. – Люду позови, она орех тебе даст. Только не бойся ничего. Небо за тебя. Денгер. Ты это знай.

И тут он как-то весь обессилел и вжался в подушки, затих.

Я осторожно отворил дверь, выбрался во двор, где уже ждала Люда, притулившись к ограде, шепнул ей:

– Поговорили. Зовет тебя.

Она проскользнула в дом, пока я стоял и ждал снаружи. Через пару минут вышла, энергично размахивая руками, велела мне идти к сараю, после – приволокла весы. Потом

мы перевешивали кедрач, потом подъехал Эюб с Костей, мы грузили мешки в грузовик... все шло своим чередом, но я думал и думал, не переставая, о странных словах уйгура. Все смешалось – и гнездовье какой-то птицы, и небо с чарующим названием «Денгер», что меня ждало, и Козино – последняя деревня перед нежитью, где дорога упиралась в никуда, – так я видел, – а больше всего не давали покоя его слова про то, что горе у меня, и не за деньгами я приехал... Откуда ты узнал об этом, Алтын-чой?

В девятом часу темень наконец сожрала Отрок, и под далекую, нездешнюю брехню собак мы уселись за стол снова – обмывать закупку. Только уже не в конторке, а полюдски, в доме у Михалыча. Гостиная у него не то чтобы велика была, но места хватило всем, и под новую бутылку самогонки начались беседы, теплые да греющие. Я все ждал момента, чтобы спросить про загадочную птицу – отчего-то это казалось мне особенно важным. Но Михалыч уже и сам про нее речь завел.

– А еще старики рассказывают, что в лесах саянских живет баба-не баба, птица-не птица, а не пойми чего. Лицо у нее да грудь женские, а все, что кроме – пухом и перьями покрыто. И будто летает она над тайгой, да над Саянами, а где присядет – там желание исполняет тому, кто ее увидит. Вон, в Козино Макарка-чудодей живет – умишка у него мало, мамка в детстве уронила. Так он все на дальние края ходил, говорит – нашел гнездо ее. Раз ходил, два ходил, третий раз ушел – месяц его нет. Все уж и думать забыли – мало ли, медведь подрал, или еще что. Семьи-то нет, бобыль. В Козино всем обществом покумекали, да и решили его барахлишко поровну поделить, а избу под что-нибудь приспособить.

Жил он отшельником – в гости не звал никого, чего у него да как – никто не ведал. А я как раз в ту пору в Козино наведалься. Ну, поутру, стало быть, с Пантелеем-старостой собрались, участкового Евсюкова взяли для пущей храбрости – тот и акт составил, все по чину. Дверь топориком отжали, вошли.

Тут Михалыч сделал паузу и закурил.

– Ну, чего, не томи, – загорячился Костя.

Михалыч хитро попыхтел папироской, продолжил:

– Вся стена у него картинками завешана. Из журналов да газет вырезаны – а на них птица. Как он и рассказывал – лицо бабье, тулово в перьях. Умишком Макарка тронулся, я же говорю. Поглядели мы что да как – изба у Макарки крепкая, а имущества никакого. Рукой махнули да по домам пошли. Я на узик прыгнул, и к себе в Отрок. Ну слушай дальше. Участковый наутро ко мне приезжает. А он парень молодой, да больно сурьезный какой-то. Замороченный весь. И в глазах горит чего-то... нехорошее... Слушай, говорит, – а чего Макара про птицу рассказывал? Ну, думаю, и этот туда же. Рассказал ему, что знал – мол, на Саян Макарка ходил два раза, птицы той гнездо нашел. Он послушал, послушал да уехал. Я с той поры в Козино не заезжал, потому как здесь дела появились, а вчера Пантелей мимо проезжал, зашел. Говорит: Макарка третьего дня вернулся – живой, невредимый, хоть два месяца дома не было. Участковый его к себе вызвал, долго говорили, а потом в один день снялись, в узик прыгнули. Оба. Слух пошел, что за Хамаюном тем и ушли. Вот так вот.

Михалыч замолчал, и в комнате повисала тревожная тишина. Эюб смотрел на свечку, что стояла посреди стола, не мигая, думал о чем-то. Потом встрепенулся:

– Когда, говоришь, ушли-то?

– Три дня назад.

Эюб озадаченно потер лоб, посчитал: ну, день туда, день обратно. Должны уж вернуться.

– А в Козино же мимо Отрока никак не проехать? – с надеждой спросил он.

– Не-е-е, – протянул Михалыч, – что ты – тайга кругом. Только тропами. А на машине – мимо моста нашего не пройдешь, он у нас один. Так что – нет, в Козино мимо Отрока не проедешь. Хотя... мы ж за дорогой не следим. Не война, поди. А чего спрашиваешь? В дурь эту веришь, что ли, с птицей?

Эюб ничего не ответил, только усмехнулся и потянулся за стаканом. Я встрял наконец в разговор:

– Слушайте. Тут такое дело. Алтын-чой кедрач отдал с условием, что я в Козино съезжу. Макарку найду. Да и может, там кедрач есть? Давайте в Козино смотаемся.

Михалыч замахал руками – зря время потратите, кедрач там никто не берет уже. Потому как скурились все – коноплю сеют и балуются. Не ездите, – советовал Михалыч, – народ там лихой. Да и ночь уже.

И тут я увидел, что Эюб внимательно смотрит на меня.

– Так и сказал – в Козино ехать?

– Так и сказал.

– А что еще сказал?

– Да так... из ума выжил, похоже. Говорит – птицу мне надо найти.

Эюб перевел взгляд на Михалыча, в его грустных глазах загорелись озорные чертики:

– Лихой, говоришь, народ в Козино? – он многозначительно покачал головой. – А давай и правда смотаемся. Двадцать километров – не крюк. Раз уж Леха наш Алтыну кое-чего обещал.

V

Выпив на посошок, мы кое-как собрались, натянули обувь и вывалили в темный двор. Однако старый добрый кантор отказался заводиться. Михалыч зажег фонарь, а Костя, откинув кабину, поковырялся в движке, позвенел гаечным ключом и недовольно хмыкнул:

– Все, епта, накрылся... японский городской.

– Может, ну его? – предложил Михалыч, отиравшийся рядом. Эюб посмотрел на меня, – я только вздохнул: в Козино все равно надо, – и попытожил:

– Поедем. Михалыч, у тебя есть кто с машиной?

Староста задумался.

– Ну, тут шурин мой. Дядя Федор. Денег дадите – поедет. Только это... Камаз у него.

– Камаз?! – Эюб присвистнул. – погоди, а куда он на нем ездит? У вас же мост в Отрок деревянный, тонн пять держит, не больше. А более другой дороги из деревни на шоссе нет.

– Ну, так, – засмутился Михалыч, – в Козино и ездит. Больше некуда.

– Зачем? – не отставал Эюб.

– А я знаю?! Может, баб ебать. Ездит – значит надо, – отрезал староста.

– Зови его, что ли, – приказал Эюб, а сам принялся нарезать круги вокруг кантора. – А ты смотри там, чини, – приказал он Косте. Самогонка разбудила в азербайджанце жажду деятельности – он готов был горы свернуть, только бы не стоять на месте.

Михалыч исчез. Через десять минут рев мощного движка прорезал тишину, вдалеке фары показались, фура подкатила к дому старосты и ухнула, остановившись. Из кабины вылезли Михалыч и мужик, здоровый и неповоротливый как медведь; физиономия его, словно вырубленная топором, была непроста, ох, непроста... у сибиряков я часто такие видел: увалень увальнем, а мозг что компьютер работает.

– Вот, шурин мой, Федор, – представил Михалыч владельца фуры. – А это гости, за орехом приехали.

Мы поздоровались, пожали друг другу руки – моя ладонь почти утонула в лапище дяди Федора. Михалыч объявил:

– Хотят, стало быть, в Козино. Довезешь?

– Так ить... – согласился дядя Федор. – Пять сотен – и вперед.

Я сунул Феде дензнак, мы залезли в кабину – я спереди, Эюб сзади. Костя решил остаться в Отроке, вызвавшись чинить кантор, но я почему-то был уверен, что до ремонта дело не дойдет, пока не кончится самогон Михалыча.

Тронулись, проехали пару километров. Эюб толкнул меня в плечо и попросил, чтобы я еще раз рассказал про Алтын-чоя. Я рассказал. Азербайджанец только покачал головой. Ничего не сказал – хотя видно было, что на языке у него что-то вертелось. Смолчал. Чуть позже протянул охотничий нож и угрюмо произнес.

– На, возьми. Тут места лихие.

Я удивился, но взял. Молча положил в карман куртки. В конце концов, не помешает. Неспешно, покачиваясь на ухабах, мы пробрались по грунтовке через тайгу, а уже через полчаса уперлись в ворота, перегородившие въезд в Козино.

– Чужих боятся, вот на ночь и запирают, – пояснил дядя Федор, показывая пальцем на деревянную изгородь, высвеченную фарами; ее концы уходили из темени в темень.

– Так ты знал, что ли? – спросил я. – А чего не сказал?

– Не спрашивали, – улыбнулся тот.

Да, ну и дела. Себе на уме дядька.

– Подожди, я вон помигаю, побибикаю, придут-откроют. А пока – проголодался я чего-то. Супчика хочешь? – он полез под сиденье, достал примус и кастрюльку. – Давай сварганю, поешь.

Я озлился на него: какой на хер супчик.

Эюб похрапывал на заднем сиденье. Я решил его не будить, пока в деревню не въедем. Выпрыгнул из кабины размять кости, поежился. Стояла ночь, и край леса вываливался на дорогу пугающей чернотой – между этим миром и тем, как стена, вставала тайга. Я подошел к воротам, освещенным фарами.

Там, впереди, лежало Козино, избы перемигивались огнями. Вдруг налетел ветер, подмял верхушки деревьев, с каждой секундой он становился все сильнее и сильнее. Между воротами и нашим камазом листья взвихрились над дорогой, пыль поднялась столбом. Но это было только начало. Фары вдруг стали тускнеть, – что было странно, ведь мы даже не глушили мотор, – и ночь, что окружала нас, ночь, которая казалась чернее черного, стала... еще темней. Лес налился такой густотой, что уши заложило – я почувствовал страх, животный неопиcуемый страх, вместо деревьев в нашу сторону выгнулись сгустки тьмы, – она заполонила всю ближнюю тайгу, превратила ее в сплошное месиво. Между деревьями и дорогой была поляна, где росла трава, так вот, по этой поляне чернильная тьма выпускала отростки, как осьминог, – *ты даже не можешь представить, как это – чернее ночи, а я видел, видел...* Потом полыхнул огонь, загорелась трава, и осветилось все вокруг. Пламя разгорелось широким покровом от ворот, что были заперты, до ближних холмов, – пожар все охватил. Только горел он как-то... вяло, что ли, как занялся, так и остался – ровным, голубоватым светом, и при этом плясал по верху, по траве.

Я мигом проскочил от ворот к камазу, заколошматил в дверь кабины. Оттуда высунулся сонный Эюб:

– Ой, что такое? – вытаращил он глаза. Потом сунулся было обратно, чтобы скомандовать дяде Федору: разворачивай фуру, сваливаем, – но не успел. Лесная чернота взбесилась и принялась наседать на огонь, ее щупальца слизывали траву, как кнуты, оставляя горячие следы. Исполосованная земля кое-где дымилась, огонь пошел на убыль.

Сейчас я вспоминаю ту картину, но она так и не укладывается в голове. Холодный огонь, что покрыл все пеленой, и черная тьма. Это как татуировка – не свести ничем. Так не бывает – все, что я могу сказать. Ничем рациональным не объяснишь внезапный ночной пожар, охвативший тайгу минуты на две, не больше. А тогда я схватил Эюба за грудки и заорал:

– Эюб, что это?!

Азербайджанец поморщился, терпеливо отодрал мои потные ладони от своей одежды и как ни в чем не бывало устроился на порожке водительской двери.

– Знать хочешь? Ладно. Ты про Алтын-чоя спрашивал. Он ведь шаман. Все про всех знает. – Эюб хмыкнул и неожиданно спросил: – В Абакане вчера не случилось чего?

Я замялся.

– Ну, так...

– Давай, давай, – нетерпеливо потребовал Эюб.

– Сон дурацкий увидел. Будто змеи у меня в комнате. В гостинице. Дежурную вызвал, ну а там... В общем, не было ничего. Никаких змей. Глупость.

Азербайджанец энергично ударил тыльной стороной ладони о другую ладонь, пробормотал что-то вроде: «таварылга». Я не стал переспрашивать. А он задумчиво поскреб залысину:

– Тайга тебя испытывает, вот что. Змеи черные, пожар черный. Все черное, не дает тебе на небо дойти, птицу увидеть. А тебе надо. Вижу, что не простой ты человек, ой, не простой. Не просто так тайга дурная второй день. Темень на тебя зуб точит.

– Эюб, ты в своем уме? Какая птица? Мы орех должны покупать по деревням. Зачем мне эта птица? С какого рожна?

– Душу свою найти. На том самом небе, о котором Алтын говорил. Я тебя отведу.

– Ты?!

– Я, кто же еще... Вот скажи, что у тебя в жизни такого случилось?

Я прикусил язык. Эюб внимательно посмотрел на меня, поцокал языком.

– Вижу, что случилось. Сам не свой.

– А если ничего не случилось? Если... я не пойду?

Эюб, сухо хохотнув, встал с приступка. Он ничего не ответил. Но я понял, что «если» не получится. По его, Эюбовой, правде.

– Таких много было. Приходят парни вроде тебя, здоровые, крепкие. Тащишь их через всю тайгу – вначале не понимают, тоже думают, что за орешками приехали. Потом доходит. Все по-разному. Ты вон на принцип пошел, драться полез. Другие бежать норовят. Только от судьбы не убежишь. Возвращаются. Я их через перевал отвожу, потом под Верхним Усом забираю. Это тебе не хер собачий: кто сидит, дрожит, обоссанный, и слезы льет, кто молчит, кто зверем кидается. Всякий по-разному ведет. Но все назад возвращаются.

– Зачем ты их водишь-то? – не понял я.

– Ну как зачем, – усмехнулся Эюб. – Птица эта, на небе Денгер, она ведь – того... душу забирает. Вот сам не свой человек. Значит, душу у него птица забрала. Как ты сейчас. Сходишь за душой – забереешь назад. Но только туда с желанием надо идти. С самым заветным, что у человека есть. Как тебе сказать? С последним желанием. Люди думают – ну что такое, желание исполнится, хорошо же, чего лучше? А все не так. Это не награда. Это испытание. Если душа темная, плохо дело.

Птица, исполняющая желания, – думал я. Что за хрень... о чем он мне тут толкует? Не-ет. Из тайги выйдем, позвоню Юрию Ивановичу. Мы на такое не договаривались. Только бы до сети добраться.

Эюб осмотрел меня, оценил с ног до головы.

– У тебя душа не темная. Была бы темная – шел бы ты по тайге как по маслу.

Из кабины вылез дядя Федор. Он протянул мне армейский котелок и добродушно пробасил:

– Ну, это... суп готов. Держи. Смотри, горячо.

Офигеть. Тут тайга полыхала, мы с Эюбом чуть на подрались, а этот медведь еду готовил. Вот народ. Двутавровый. Я осторожно взял котелок, где услужливо плавала деревянная ложка. Поглядел на лес. Залез на переднее сиденье и принялся, обжигаясь, есть суп. Черт с ними со всеми. Пожрать и валить отсюда, чем быстрее, тем лучше.

VI

– В Абакан идем. Точка. – Я примостил котелок с ложкой на торпедо и поудобнее устроился в кресле. Федор тут же смахнул посуду лапищей, упрятал под сиденье.

– Подожди, – попытался применить дипломатию Эюб, – а в Козино как? А? – он кивнул в сторону закрытых ворот, за которыми лежала так и не поддавшаяся нам деревня.

Я хмыкнул.

– Разворачивай, дядя Федор, в Отрок. Костю подхватим, машину починим, и в Абакан.

Азербайджанец замахал руками:

– А как же... небо?

– Э-э-э, – я изобразил презрительную мину, – кончай меня сказками кормить. Давай, дядя Федор, заводи.

Дядя Федор, облокотившийся на руль, разглядывал через лобовое стекло освещенные фарами ворота, но как только я скомандовал, воткнул заднюю передачу и тронулся с места. Эюб взвился сзади, схватил водителя за руку: стой, не надо. Дядя Федор добродушно, но крепко и уверенно отодвинул его назад.

– Сиди там, чего уж. Паря денег заплатил, он и командует. Уразумел?

Чертыхнувшись, азербайджанец откинулся на спинку заднего сиденья, зашипел: «Эх, шайтан, что за жизнь. Не знаешь, чем закончится». Потом затих. Я слушал, как недовольно, зло скрипело пружинами кресло под ним, а сам думал: вдруг он правду сказал? Вдруг вся эта ерунда закончится чем-то... чудесным?

Проехав полчаса в тишине, мы добрались до крайней избы Отрока. Эюб смотрел в окно, провожал глазами огни, что выливались из окошек в темень, что-то шептал на своем наречии и изредка поглядывал на меня.

Через час, сердечно попрощавшись с дядей Федором и его медвежьими ухватками, – он прогудел «если чо, заезжай», опять утопив меня в крепких лапах, – я вытащил пьяного Костю из дома старосты, усадил в кантор, дал ключ Эюбу и велел: рули. Эюб молча сел за руль, машина неожиданно быстро завелась. Переваливаясь на ухабах и рытвинах, мы покатали, груженные пятью тоннами кедрового ореха, в сторону Абакана.

Отрок отпустил нас.

Возвращались под утро. Я разлепил глаза только при въезде в город. Солнце едва взошло, Абакан тонул в прохладной росе и тумане. Подкатив к железным воротам, Эюб погудел, ворота стали отъезжать, обнажая заасфальтированный двор овощебазы. Посреди двора стоял еще один азиат, по росту совсем мальчик, но по лицу – достаточно взрослый мужчина.

– Это кто? – спросил я Эюба.

– Тамир, – под глазами у азербайджанца лежали темные круги от недосыпа. – Я его базу сторожить оставил.

Кантор вкатился на территорию, остановился. Я выпрыгнул на темный от влаги асфальт, потянулся. Эюб вылез вслед за мной. Солнце сверкнуло на жестяной крыше овощехранилища, и зайчик забегал по лобовому стеклу машины. На заднем сиденье послышалось ворочанье, в боковом окне показалась взлохмаченная голова Кости.

– А? Где мы? – испуганно озираясь он по сторонам.

– Опять водка пил? – презрительно прищурился Тамир. – Вылезай.

– Ага, – Костя поспешно вывалился из кабины, но споткнулся и растянулся на грязном асфальте. Тамир расхохотался, Эюб же подхватил товарища, помог встать. В сторожке мы сели пить кислый кофе из банки, растворенный в пузырящемся кипятке. Эюб расспросил Тамира:

– Все в порядке?

Тамир загадочно усмехнулся – узкие глаза, казалось, стали еще уже и вовсе стерлись с лица.

– Менты приезжали, спирт привезли. Тебя спрашивали – я сказал, ты за кедром поехал. Они спирт оставили – глянь, в пятом холодильнике.

– Угу, – буркнул Эюб, – посмотрю. Еще что было?

– Ну, так, – неопределенно пожал плечами Тамир. Эюб выжидающе молчал. Тамир продолжил:

– Шалава одна приходила. Стася. Говорит – мне Алексея надо. Кто такой этот Алексей? Я не знаю, – я ее обратно отправил.

Эюб посмотрел на меня, потом на Тамира. Кивнул в мою сторону:

– Вот Алексей. Он позавчера из Питера прилетел.

– Да?! – бровь у Тамира вздернулась, он с интересом ко мне пригляделся, – значит, к тебе приходила? И когда успел?

Я пожал плечами.

– Что успел?

– Стасю оприходовать.

– Поясни, – кровь ударила мне в голову, я сжал кулаки.

– Пришла, прям собачонка, – вызывающе заявил Тамир. – Мне, говорит, Алексей позарез нужен. Вы все такие, из Питера, борзые? Приезжаете наших девок ебать, да?

Я не понимал, о чем он говорит.

– Что ты смотришь, – еще больше завелся азиат. – Скажи еще, что не знаешь. Она блядь в «Хакасии» подрабатывает.

Твою мать... Я, кажется, так и сказал, глядя в глаза Тамиру, – «твою мать».

После этих слов он молниеносно рванул меня к себе, выбив табуретку ногой из-под моего сиденья. Я этого не ждал. Растянулся на полу, отполз в угол сторожки, тяжело дыша. Тамир шагнул ближе, навис надо мной. Я увидел, как его глаза покраснели.

– Ты мою маму не трожь.

Я нащупал нож в кармане и сгруппировался, но Тамир процедил сквозь зубы:

– Даже не думай.

Все произошло почти мгновенно. Уже через секунду вскочивший Эюб оттащил Тамира, усадил на табуретку, потом протянул руку мне. Я схватился, встал. Отряхнулся.

Эюб строго взглянул на Тамира.

– Язык попридержи. Это гость мой. А ты, – это уже предназначалось мне, – лишнего не болтай.

Попили кофе в неловком молчании, стали разъезжаться. На базе по-прежнему оставался Тамир. Эюб и Костя двинулись по домам, я отправился в гостиницу – искать Стасю и звонить Юрию Ивановичу. Голова гудела от недосыпа, шатало, но я твердо решил разобраться сегодня во всем. Когда выходили из ворот, Костя нагнал меня, тихо шепнул:

– Ты это, с Тамиром поосторожней.

Никак не ожидал от вечно молчащего Кости, что он будет давать советы. Остановился даже, но он потянул меня дальше за рукав, заговорил, дыша перегаром и страхом:

– Это в прошлом году было. Хрен один товар на посту потерял – ну, менты покуражились, отобрали. Такое часто бывает. А Эюба как раз не было, он на родину ездил. Тамир вместо него оставался. Ну, у хрена этого денег, чтобы расплатиться, не было, поручителей тоже не нашлось. Ладно, если бы все так и осталось. Так он грохнул своего напарника и пустится в бег. Где-то под Красноярском его нашли, привезли обратно в Абакан. Здесь, на овощебазе закрыли – я как раз дежурил. На следующий день Тамир приехал. Не один приехал, привез жену и сына того бегунка. Как шас помню. Этот Тамир на капот ниссана присел, сигарету покурил, сосредоточенно так, потом на небо поглядел – уж не знаю, зачем. Потом с бедолагами этими в хранилище зашел. К ихнему отцу. А они... только хныкали. Через час вышел – такой же задумчивый... – Костя замолчал,

сплюнул зло на асфальт, процедил сквозь зубы. – А то, что в овощехранилище осталось, пришлось нам увозить... Так-то, Леха.

Костя, похлопал меня по спине и как ни в чем не бывало громко заявил:

– А я домой. Меня Машка ждет. Баню затопит... эх-х-х...

Он протянул руку, я пожал ее на ходу, и Костя веселой походкой бодро пошагал к дому, что-то насвистывая. А я тогда стоял, смотрел ему вслед и снова думал: не пора ли уже завтра свалить отсюда?

Эта мысль была предательски ясной. Но оставалось еще кое-что.

Абакан между тем проснулся. Утро выдалось необыкновенно теплым для осени, солнце ласково поглаживало сухие улицы и невысокие дома. Добравшись до гостиницы, я отыскал дежурную – та же тетка, что в день приезда, сидела за унылым темно-коричневым столом, листала дамский роман. Увидев меня, она встрепенулась:

– Доброго утречка, – голос ее был полон ехидства и желчи. – Сегодня опять хорошо погуляли?

Да, вот чего мне не хватало, подумал я. А вслух бросил коротко:

– Девочки есть?

– Значит, не хорошо, – протянула администратор. – Даже не знаю, чем помочь-то.

– Да вы не приbedняйтесь. Знаете. Есть тут одна такая... высокая, с серыми глазами. Стася зовут. Вот ее надо.

– Не рано ли? – вкрадчиво поинтересовалась тетка, многозначительно взглянув на часы.

Я изденулся в ответ:

– Шестнадцать уже есть.

Она задумалась, примирительно пробасила:

– Ладно, подожди, – и стала лихорадочно названивать кому-то. Кнопки мобильного терялись под ее пальцами-сардельками, абонент не отвечал, дежурная злилась, но попыток не оставляла.

– Я в номере, если что, – заявил я.

Тетка, не отрываясь от телефона, кивнула: ясно. Вот и отлично. Едва я вошел в номер, бросился на кровать, не раздеваясь, и закрыл глаза, раздался стук в дверь. На пороге обозначилась дежурная.

– Это... Стася будет через час.

Я сунул ей сотню, она вроде даже подобрела от такого. Молча приняла. Вот ведь – рыба рыбой, а как потеплела, когда наживу почуяла.

Захлопнув дверь, я стал названивать Юрию Ивановичу. Никто не отвечал. Как бы свинтить из этого чудесного городка, чтобы без последствий, – размышлял я. Без Юрия Ивановича никак. Уеду, не предупредив – на меня еще какие-нибудь чужие косяки повесят.

Я набрал еще раз... опять безрезультатно. Все сегодня через одно место, через чудеса какие-то.

Поплелся в душ. Вода, слава богу, была обычной. Без чудес.

VII

Через полчаса раздался стук. В дверь просочилась Стася. Я сидел на кровати без штанов. Без всякого повода, конечно.

– Ты как меня на базе нашла? – спросил я, как только она сняла туфли и прошла в номер. Стася замерла, не решаясь покинуть прихожую, готовая снова надеть обувь и выскочить в коридор. Белая блузка туго обтягивает грудь, на лице – выражение покорности и отваги. Вот ведь.

Стася поправила челку и, глядя в пол, быстро-быстро заговорила:

– У Пашки рябого спросила, куда он вчера утром тебя отвез. Я заехала... А что, нельзя было?

– Кто такой Пашка рябой?

– Таксист.

– Странная ты, – пожал я плечами. – А зачем искала?

– Беспокоюсь за тебя.

– Слушай, мы с тобой один раз виделись в кафе. Ты хвостом повиляла, ушла. Теперь говоришь, что беспокоишься. У вас это нормально, в Абакане?

– Не надо было тебе в Абакан прилетать, – вместо ответа пробормотала Стася.

– Это еще почему? Тебе-то откуда знать – надо, не надо? Почему все в этом городе говорят мне, что надо делать? Вы все здесь больные на голову?

Она подняла глаза, и я увидел, как в них сверкнула ненависть. Покорности как не бывало.

– Я поняла, – кивнула Стася. – Мы все больные. А ты здоровый. И бабки в лопатник не влезают. Сейчас ты меня на час взял или на два? – бросив сумочку на кресло, она стала расстегивать блузку. Я схватил ее руку.

– Подожди...

– Руки убери! – она вырвалась и упрямо продолжила возиться с пуговицами. – Синяки останутся.

– Стася, заканчивай выступать, – я развел руками. – Здесь не абаканский драматический театр. Все, говорю, хватит. У меня не самый удачный день.

Она перестала раздеваться, постояла в нерешительности, глядя на стены и не зная, куда деть руки, сцепила пальцы, расцепила, принялась крутить пуговицу на блузке, пытаясь отвинтить зеленую перламутровую кругляшку, потом спросила с усмешкой:

– Так что, ложный вызов?

– Не ложный, нет, – заверил я. – Так почему мне в Абакан прилетать не надо было?

– Что, не слышал? Темень у нас тут гуляет. Тайга черным пламенем горит. Люди исчезают. А ты неместный, и с деньгами. Мало ли чего, – грубовато ответила она.

А сама продолжала зачем-то крутить пуговицу.

Я смягчился:

– Пойдем по городу прогуляемся.

– Со мной? – она казалась обескураженной.

– Я же не местный. Репутацию себе не испорчу. Хотя... Вон, азиат один, на овощебазе, так за тебя встрял...

– Тамир, что ли? – насторожилась Стася. – Давно вокруг меня крутится. Жестокий он, неприятный. Он всех девчонок ревнует, с кем спит.

В воздухе повисла неловкость.

– Ты не сказала... что тут работаешь.

– Зачем? – поморщилась Стася. – Хвастаться? Мог бы и догадаться.

Я молча натянул джинсы, проверил кошелек. Туго набитый. У Стаси острый взгляд.

– Ладно. Закроем тему. Куда в Абакане можно сходить?

– Прямо сейчас? Да вроде и некуда. Детское время, – Стася задумалась, потом вдруг оживилась. – Можно в музей! Давай сходим.

Я хмыкнул.

– Неожиданно.

– Я на исторический поступала, – призналась Стася. – Сочинение провалила.

– Пойдем, – я открыл дверь. – Раз время детское, значит, в музей.

Стася порылась в сумочке, достала жвачку и, сунув в рот пару подушек, деловито поправила сползший чулок.

– Докатилась, с клиентом в музей иду. Ты только девчонкам не рассказывай, а то засмеют. Ладно, – придирчиво осмотрев меня, она закинула сумку на плечо, – хочешь – рассказывай... Все равно не поверят...

Да я и не буду, – подумал я.

Мы шагали по абаканским улицам, под ярким сибирским солнцем, в рабочий день, чуть за полдень, и болтали – ну, как болтали: я расспрашивал, Стася рассказывала. Я узнал, что родом она из деревни с загадочным названием Червизюль, жила с бабкой, приехала в Абакан поступать, не поступила, осталась работать, хочет очень-очень обратно, но денег мало.

По дороге я не оставлял попыток дозвониться до Юрия Ивановича. Трубку никто не брал.

– Кому звонишь? – ревниво поинтересовалась Стася.

– Так, человеку одному, – ответил я.

– Командировочные обычно как начнут жене названивать. Или жены – им. Проверять, все ли в порядке.

– Нет жены, – оборвал я ее, – сказал ведь.

Она замолчала. То ли успокоилась, то ли обиделась. Хрен поймешь эту Стасю. Перед очередным перекрестком справа показалось серое трехэтажное здание, собранное из панелей, будто какая-то недоделанная хрущевка, застекленная сверху донизу. На входе красовалась табличка «Хакасский национальный краеведческий музей».

– Да, не впечатляет, – пробормотал я.

– Ничего, это снаружи только, – сообщила Стася и потянула меня внутрь.

Музейный работник оказался хакасом – в честь таких и гостиницу называли, – шепнула мне на ухо Стася, посмеиваясь. Среди этого народа найдутся люди и посимпатичнее, – вот что подумал я тогда. Это определенно был мужик, в брюках, но с обвисшим пузом, да и лицо было каким-то мягким, бабьим. Неопределенности добавляли длинные волосы, завязанные сзади хвостом, и противная привычка облизывать губы. Я прокашлялся:

– Можно экспозицию осмотреть?

Хакас кивнул. Взглянул мне прямо в глаза, – смотрел достаточно долго, почти нетактично. Я выдержал, глаз не отвел. Он опять облизнул губы. Но голос его оказался басовитым и приятным:

– В кассу пройдите.

Мы заплатили за входной билет, надели войлочные тапочки поверх обуви и углубились в прохладные безлюдные пространства музея. Я ходил по полутемным залам, осматривал экспонаты, читал надписи. Какие-то каменные бабы. Гражданская война в Сибири. Природные недра. Надо бы про шамана спросить, думал я. И про птицу вещую. В конце концов, я же простой турист, зашел узнать побольше о гостеприимной хакасской земле. Могу расспрашивать о чем угодно.

Стася тихо шла рядом, потом взяла меня за руку.

Неожиданно из соседнего зала появился тот самый музейщик, что повстречался на входе.

– Ищите что-то конкретное? Из какой области?

Я замешкался:

– Ну, в общем, из этнографии... В деревне встретил одного уйгура. Шамана. Уйгуры – кто они вообще такие?

Экскурсовод кивнул. Скупно улыбнулся:

– Понимаю. Это хорошо, что вы интересуетесь нашей историей. Редкий случай для гостей... Кстати, меня зовут Артас.

Я представился. А тот продолжал:

– Знаете, Хакасия и Тыва – котел, где варилась история. Самое сердце Азии, ее суть и душа. Сотни народов прошли через эти земли, кто-то сгинул бесследно, кто-то основал

могучие империи и правил половиной земли. Одна волна накатила, схлынула, пришла другая. Через эти земли прошел Аттила. Тюрки. Потом – уйгуры. Еще – Чингисхан. Многие здесь побывали. Уйгуры, которые вас так интересуют, дали этой земле многое. Они дали местным жителям – кыргызам – письменность. Удобный алфавит, который потом использовал даже Чингисхан. И города. Вместо войлочных шатров – крепости из глины и камня.

Артас, похоже, оседлал своего любимого конька и углублялся все дальше и дальше в историю, в детали, да так, что даже Стася слушала, затаив дыхание. Его речь лилась свободно и легко, и по-русски он говорил получше многих моих питерских друзей. Я простил ему и обвисший живот, и косичку.

– При хане Элетмише одно из многих кочевых племен стало главным в Степи, ему покорились обширные земли на севере. Уйгурский каганат возвысился, стал равным соседом Китаю. Это как резкий эволюционный скачок – вот уйгуры тихо живут на задворках истории, и вот уже – владельцы мира, подпирающие страну желтолицых. Элетмиш слыл всемогущим каганом, и по поводу этого всемогущества ходили легенды. Кстати, хотите кофе?

– Ага, – закивала Стася. Вот странно: ей не хотелось уходить.

– Пойдемте ко мне в каморку. Я вам много еще чего расскажу.

Стася взяла меня за руку и потащила вслед за Артасом. Открыв дверь, прямо из выставочного зала мы просочились в узенькую комнату, заваленную книгами. Посередине громоздился письменный стол, тоже служащий перевалочной базой для толстых фолиантов, рядом, на треноге, стояла небольшая, метр на метр, грифельная доска, а в желобке валялся мел разных расцветок. Запах, несмотря на обилие книг, был свежим, пахло кофе и какой-то пряностью... шафраном, что ли?

Хакас выудил из кучи книг две табуретки и пригласил нас сесть. Сам включил электрочайник и устроился в своем кресле возле доски с мелом.

– Знаете, я ведь библиотечно-справочным фондом заведую. Все книги, книги, сам на местность не хожу. Это археологи да фольклористы все сюда несут, я только сортирую. Но вот читаю много, и много занятного вычитываю. То, что в музеях рассказывают... одну минутку... – он сходил куда-то за ближний стеллаж, принес френч-пресс, насыпал вдоволь молотого кофе, залил кипятком, – да, так вот, то, что в музеях рассказывают – это научно подтвержденные факты. А есть еще масса догадок и легенд, – они пока в факты не выкристаллизовались, – он произнес это слово без малейшей запинки, разлил вкусно пахнущую тягучую жидкость в чашечки, отхлебнул глоток. Потом стянул лежащий на тумбочке плед – ярко красные клетки перемежались с белыми, оттеняя друг друга черными полосами, – накинул себе на плечи:

– Тут зябко.

Я осмотрелся. Было даже не тепло, а жарко.

– Так вот, о легендах. Элетмиш в переводе с уйгурского означает «неборожденный».

– Как-как? – перебил его я.

– Неборожденный. Этого кагана, – Артас выдержал несколько театральную паузу, помешивая сахар в кофе ложечкой, – считают не родным сыном хана Пейло. В Степи, где родство – первая благодетель, такое немыслимо. И когда хан Пейло скончался, нового правителя не приняли. Поднялось восстание. Но на стороне Элетмиша выступила уйгурская дружина, ветераны, громившие с его отцом еще тюрков. Так что восстание подавили... А потом Элетмиш основал Пор-Бажын и еще семнадцать крепостей вдоль реки Кем. Считается, что у уйгур было две столицы. Одна – на Селенге. Другая – на Тере-Холь. Но я думаю, их было три. Третья – предположительно на границе Саян и тувинских степей. Самая северная точка уйгурского каганата, самая высокая точка. Но археологи эту столицу не ищут. Ее нет... в прямом смысле. В нашем, человеческом. Смотрите, – взяв мел, он, не вставая с кресла, наклонился к доске и стал рисовать. – Вот треугольник, – на

доске появился треугольник. – Одна точка, – он ткнул в нее, – Орду-Балык. Вторая, – он переместил мел, – Пор-Бажын. Третья, – он ткнул в третью точку треугольника, – город икс. У него нет названия, но он должен быть. Знаете почему?

Он торжествующе поднял палец вверх:

– Потому что Элетмиш, увлеченный идеями пророка Мани, хотел властвовать не только на земле, но и на небе, – рука Артаса четко, уверенно обозначила еще точку снаружи треугольника, и прочертила прямые от нее к вершинам треугольника. Получилась пирамида.

– Вот здесь, – заключил хакас.

Наступила тишина. Артас любовно разглядывал нарисованную пирамиду. Стася робко попросила:

– Можно еще кофе?

Музейный работник порывисто поднялся, – мелькнул черно-красный плед, – наполнил ее чашку, поглядел на меня:

– А вам тоже кофе? Или местного чаю?

– Нет. Нельзя ли про «неборожденного» поподробнее? – попросил я вдруг.

Артас взглянул на меня с нескрываемым интересом.

– Я знал, что вы спросите, – сказал он. – Так вот... Многое я почерпнул из надписи на стеле Бильге-кагана, на его посмертной стеле. Он умер очень странно, если не сказать – таинственно. Нет ни одного свидетельства его смерти. Ну, то есть есть одно сообщение, но... В общем, он просто пропал – и все. При нем голову начали поднимать манихеи, а после него каганат принял эту религию за государственную. Некогда согдийцы принесли эту заразу в степи, и бывшие воины-кочевники, степняки, стали сажать овощи и заниматься бог весть чем. Каганат исчез, сметенный кыргызами, потомками хакасов. Моими потомками, – Артас гордо вскинул голову. – Все облегченно вздохнули – и китайцы, что боялись этих степняков пуще огня, и согдийцы, и тибетцы. И кыргызы, что правили степью после уйгур.

Я глотком выпил кофе, на губах осела крупинчатая гуща. Артас словно выдохся и смотрел в одну точку на столе. Стася молчала. За короткий промежуток времени на меня вывалилось столько информации, что хватит на пару дней и на десяток человек.

– Уйгуры не хотели, чтобы третью столицу нашли случайные люди. Но в поверьях шаманов про нее сказано. Сказано в их алгышах. Это место, где земля соединяется с небом. Оттуда и можно на небо попасть... опять же, по поверьям, – сделал Артас важное уточнение.

Небо Денгер! Меня осенило: Денгер – это то место, о котором Алтын-чой говорил. Это и есть та самая столица, третья столица уйгур. К ней водит Эюб скупщиков кедрового ореха.

– Вы сами откуда? – неожиданно спросил Артас.

– Из Питера, – ответил я.

– Значит, до вас не дошло.

– Что не дошло? – я даже обиделся.

– Да как вам сказать. Вы не поверите. Аномальщина всякая. Но факты таковы: здесь у нас в Хакасии люди исчезают. Вот уже больше недели. В местных газетах почитайте криминальную хронику – был человек, ушел из дома и не вернулся. И все бы понятно, но так происходит каждый день. И по два случая в день бывает. Что с людьми стало? Никто задумываться не хочет. А я уверен, это с той историей как-то связано. С тем миром. Понимаете?

– С каким – тем – миром?

– Великое ничто, – произнес Артас.

Я вздрогнул:

– Что это такое?

Музейщик уточнил:

– Это то, чего уйгуры ждали. И то, что пришло к ним. В виде учения пророка Мани – с тем самым манихейством. Эта зараза сделала их цивилизованными, но навсегда отняла корни. А народ без корней – что перекаати-поле. У уйгуров пословица есть: бойся даже козы, побывавшей в городе. Так что один раз это «великое ничто» уже приходило. Теперь снова его черед, и какой мир оно слижет с этой земли – одному Богу известно.

Артас умолк. Допил кофе, всем свои видом показывая, что экскурсия на сегодня окончена.

Я засобирался, помог Стасе подняться с табуретки, но когда мы были уже у дверей, решился задать еще один вопрос:

– Артас, а можно вопрос еще один?

– Да, – кивнул хакас.

– Что за птица такая – Гамаюн?

Он внимательно посмотрел мне в глаза и снова облизнул губы.

– Этого вопроса я тоже ждал. Не знаю, почему. Ну, что же... Гамаюн – вещая птица. Древнеиранский мифологический образ. Говорят, там, где она появляется и летает, рождается великий человек. А там, где она сядет – исполняются желания. И кстати... В одном из китайских источников, небесспорном, конечно, есть любопытное упоминание о птице Гамаюн. Там говорится, что хан Элетмиш... неборожденный... он, как бы это помягче сказать... был похищен этой птицей и вознесен на небо. И по сути, это единственное объяснение его исчезновения, встречающееся в рукописях. Самое главное, – не забывайте – Гамаюн исполняет желания. Но теперь я спрошу – зачем вам это знать?

– Да так, – отшутился я, – есть одно желание.

Говорить больше было не о чем. Я аккуратно сунул Артасу в карман рубашки, выглядывающей из-под пледа – а он так и не снял его – пятьсот рублей за занимательный рассказ, и потащил Стасю за собой к выходу.

Мы вышли на залитую солнцем улицу. Абакан жил своей жизнью и знать не хотел ни про какую третью столицу. Но в моей голове была полная неразбериха.

Стася отстала на шаг. Я обернулся, она обняла меня. Я опешил.

– Мне пора, – сообщила она, поправила воротничок моей рубашки и махнула рукой, чтобы остановить такси.

Остаток дня я промаялся в гостинице, складывая по полочкам все, что услышал в музее, в Отроке и от Эюба. Понятнее не стало. Вечером не выдержал, рванул на овощебазу. После всех этих краеведческих историй было беспокойно на душе. В сторожке Эюб возился с посудой.

– Ты чего не дома? – спросил я.

Он молчал, тер губкой фарфоровую конфетницу.

– Эюб?

– Что хочешь? – не оборачиваясь буркнул он.

Я сел на стул прямо у входа.

– Поедем завтра.

Он повернулся ко мне, с кухонной губки капала пена, конфетница блестела намытыми боками.

– Что ты там у Козино сказал? «Таварылга». Что это?

– Судьба. По-ихнему.

– Где ты этих слов нахватался, – я улыбнулся, встал, забрал у него конфетницу и поставил на полку, – ты же не местный?

Эюб хитро прищурился, бросил кухонную губку в раковину и отряхнул ладони.

– Я и другие многие слова помню. А по жизни так тебе скажу. Я вот тебя не знаю и знать не могу. Но вижу: салым-чаяан у тебя хороший. Добрый.

– А это что за хрень? – спросил я.

– Ну, как бы это... В русском языке слов не подобрать. Вроде дар, но не судьба. Это как бы... будущее у человека. Ну то есть талант его. То, с чем он в жизнь рождается. Вот ты с этим и пришел.

– Объясни.

– Вот спички есть у тебя – хочешь лес подожги, хочешь – людей согрей. Что нравится – то и делай. Так и салым-чаян, как спички. У других тоже дар был. Да только распорядились они им неверно.

– А у тебя салым... какой?

– Не знаю, – пожал плечами Эюб. – Другим видней. Завтра выдвигаемся. Пойдем через Червизюль.

– Червизюль? О как. А место свободное в машине найдется?

– Даже знаю для кого, – отозвался Эюб.

VIII

В Червизюле обитала Стасина бабка Татьяна. Первым делом она натопила баню. С дороги, уставшие и голодные, мы побрели париться. Ну, то есть я побрел. И немного Эюб. Посидев с минуту в парилке как на иголках, он выскочил со словами «эй, шайтан-баня...». Костя вообще куда-то запропастился со словами «я вчера мылся». Остался я один. Когда вернулся в избу – *париться я люблю не хуже деревенских, ты же знаешь*, – увидел картину маслом – за круглым столом, где стоял пузырь с мутным самогоном, сидели все трое. Эюб, с покрасневшей после бани лысиной, почти кричал:

– Да ладно!

Татьяна посмеиваясь, отвечала:

– Точно тебе говорю. Сама в Червизюле человечка одного знаю. Он на небо дыру проделал.

Эюб махнул рукой отчаянно:

– Да это сказки. Говорю тебе: сказки это все.

Татьяна повернулась к Косте, словно ожидая помощи. На ее лице застыло мечтательное выражение, она теребила краешек скатерти.

Костя спросил:

– Это как – дыру?

– Да просто, – усмехнулась Татьяна. Лицо у нее было такое же приятное, как у Стаси, нос с горбинкой, но морщин больше, а в глазах – то ли ум, то ли пьянь. Огонь горит. Бабкина внучка Стася, ничего не скажешь.

– На чердак лаз делал, выпилил ножовкой, вынимает доски, а оттуда свет неземной. Ты ж видишь, где Червизюль наш стоит – у самого неба. Вот, видать, и допилился до него.

Я с полчаса еще послушал пьяные разговоры, а потом вернулась Стася, тоже покрасневшая, с чалмой-полотенцем вокруг головы. Налили, выпили. Раз десять или больше, не помню. Костя уже почти прилег на лавку у стены, разморенный первачком. Эюб подсел поближе к Татьяне, что-то ей на ухо мурлыкал, та хихикала. Я подмигнул Стасе, кивнул в сторону двери. Мы улизнули из избы и уже через полчаса сидели на склоне холма, провожали день.

Желтый свет переливался над горизонтом, угасал, но жил. Рядом сидела Стася, упругая, как тетива лука. Пыль играла на ее пушистых ресницах. Я смотрел на ее профиль, на ее нос с горбинкой, ясный лоб, а потом смотрел на ромашки, что расстелились вокруг, держали наши тела в ладонях белых лепестков: вот мы качаемся на этих стебельках, видим небо. Сейчас вспорхнем, улетим.

Стася сидела, зябко кутаясь в телогрейку, и глядела на солнце. Потом придвинулась ближе, стащила полотенце с головы – ее волосы, после бани пахнущие миндалем, рассыпались на плечи.

– Так почему ты один?

Да, вопрос. Так получилось, – что еще ответишь. Был не один, потом раз – и один. Волшебная палочка, Стася. Фея-колдунья. Вся в черном и с косой.

– Так получилось, – сухо ответил я. Но ответ мой не понравился Стасе.

Она заметила:

– Получается песню петь. На гитаре играть. Дерево посадить получается. Только хорошее получается. А плохой человек сам делает...

– О чем ты?

Она поникла, сорвала ромашку и потерев пальцем желтую подушечку, прошептала:

– Я говорю: если любви нет – сам виноват. Каждый зверь, человек, всяк себе пару ищет. И живет с кем-нибудь.

– Помолчала бы, – одернул я ее и в сердцах сорвал несколько ромашек. Покрутив в руках, бросил подальше. – Что ты понимаешь.

– Спасибо, что домой меня привез. И вообще... не могу я больше в этом городе... ну, ты сам знаешь.

– Вернешься еще, – усмехнулся я. – Оттуда так просто не уходят.

– Нет... Хватит.

– Хочешь, со мной поедешь?

– Ха, а вдруг ты маньяк какой? Я же тебя не знаю. Хотя... – тут она улыбнулась. – Мы же даже не трахались не разу.

– Да я не в этом смысле, – я улыбнулся тоже. – Я тебя в Саяны зову. С собой.

Она замолчала, чувствуя неловкость, сорвала еще одну ромашку.

Я пошарил в телогрейке и протянул ей пачку денег.

– Держи.

Она взяла пачку, потом протянула обратно, не глядя мне в глаза. Я мягко отвел ее руку.

– Возьми. Только в город не возвращайся. Хорошо?

Она спрятала деньги. Подняла на меня глаза. От нее так сладко пахло... будто скошенная трава грелась на солнце. И миндаль. Аромат окутал меня с ног до головы, я прикоснулся к ее губам. Они были теплыми и влажными. Не сопротивляясь, Стася обвила мою шею руками. Это было... так странно. Через мгновение она отпрянула от меня и как ни в чем ни бывало сорвала ромашку.

– Стася, почему...

– Девочки на работе в губы не целуются, – глухо проговорила она. – Понимаешь? Пойдем. Ночи тут такие, знаешь... такие...

Ромашки белели до самого горизонта, наклоняясь вслед за светилом. Уже темнело. Сумерки проползали меж зеленых стеблей, вороша и лаская прошлое.

– Темные? – предположил я

– Ну да... будто грязь городская. Так и липнет. Нет, я с тобой не поеду. Я лучше тебя ждать буду.

Мы поднялись и пошагали по ромашковому полю, разбавленному дремотой и темнотой, в сторону деревни. Дом стоял с краю. Уютно желтели окна, из трубы шел дым. Мы вошли, скинули калоши. Звякнул ковш, плавающий в железном ведре с колодезной водой, а на поверхности воды разбежались круги.

А утром... утром выпал снег. Вот так. Просто время шагнуло из лета в зиму. Снег лег на траву, словно молочная пенка, – и стало тоскливо на душе. В затихшем, промерзающем доме – печка у Татьяны не держала тепло – мы молча пили чай вприкуску. Завтракали. Потому что наступило завтра.

На блюдечке лежали конфеты «Коровка», сухари, и куски рафинада. Татьяна была деловита. Сурова. Стася – сонная, тихая, опустила взгляд в чашку, да так и не подняла,

пока мы чаевничали. Эюб макал сухарь в чашку, смотрел, как стекает с него жидкость с крошками, отправлял его в рот. Видимо, что-то случилось между ним и Татьяной ночью, чего я не знал. Но смотреть друг на друга – они не смотрели. Специально прятали глаза. Старый лис, – прищурился я, глядя на азербайджанца. – успел, что ли, хозяйку обиходить? Эюб макал сухарики. Ну, а Костя просто хлебал уже вторую чашку пустого чая, глядя прямо перед собой.

Наконец я встал из-за стола, громыхнул, отодвигая стул.

– Мы поедем?

– Ага, – согласилась хозяйка. И добавила поспешно: – Будете мимо, заходите.

Стася вышла нас проводить. Темные от недосыпа круги оттеняли ее искрящиеся тихой радостью серые глаза. Непривычный холод, похоже, заставил замолчать даже деревенских собак. В звенящей тишине, казалось, слышалось движение молекул воздуха. Во дворе, перед тем как я сел на пассажирское сиденье, Стася шепнула мне на ухо:

– Ты вернешься?

Я кивнул в сторону едва намечавшихся снежных шапок Саян.

– Увидим.

Она что-то сунула мне в руку – я раскрыл ладонь и увидел амулет. Амулет, каких никогда не встречал – кнут, вырезанный из кости. Я ничего не стал спрашивать, Стася лишь шепнула:

– Возьми, он тебе удачу принесет.

Я послушно взял, повесил на грудь. Украдкой поцеловал ее, и мы рванули по тракту к перевалу. Я облизывал губы, и ощущал ее вкус. Это все, что у нас было с тобой, Стася. Вкус ромашек, на которые утром выпал снег. Прощай. Не возвращайся в город.

IX

Ловлю мысли силком, словно птиц. Вот сейчас нужно собраться, чтобы описать все, что случилось в последний день путешествия к небу Денгер – но мысли порхают рядом и никак не даются в руки. Будто умение говорить я потерял в первом снеге Саян. С чего все началось? Черт, я уже не помню. Не помню.

Помню только, как мы шли через перевал на старом канторе, Костя – доселе молчаливый – необъяснимо трещал и трещал без умолку, рассказывая таежные байки. Сидеть рядом с ним, надо сказать, было сплошным мучением, при каждом повороте он наваливалась на меня, дыша похмельным перегаром, и даже не замечал этого. Я толкал его обратно, он послушно отодвигался и продолжал свой бесконечный рассказ... так вот, когда, пройдя перевал и спустившись на ту сторону, мы разогнались, Костя попросил остановить.

Эюб дал по тормозам, и мы свернули на обочину. Выпрыгнув из машины и потянувшись, я прислушался. Стояла неимоверная тишина – такая бывает только в горах. Ни машины, ни птицы. Никого. Только журчал ручей неподалеку и пахло первым морозом. Еще листьями. Лиственницы, росшие вдоль дороги, усыпали обочину желтыми иголками. Костя пропал куда-то, потом объявился, вытирая лицо и отфыркиваясь.

– Тут это... ручей серебряный.

– Что значит – серебряный? – не понял я.

– А то значит, что сверху исток идет. А наверху, – он задрал голову к вершине горы, – рудник серебряный. Бутылка есть?

– Бутылка?

– Пустая, – Костя даже обиделся.

Эюб полез за бутылкой, но не нашел. Чертыхаясь, он перерыл всю кабину.

– Да ладно, – успокоил я его, – пойдем, так глотнем.

Мы спустились по склону к журчащему ручейку. Я зачерпнул пригоршней воду, умыл лицо. Потом, встав на четвереньки, пил, как зверь у водопоя. Вода была сладкой и

какой-то невесомой, – пить ее можно было бесконечно. Эюб, попробовав воды, стоял в сторонке и завороченно глядел на камни у берега.

– Слушай, – услышал я его уставший, в миг постаревший голос, – вот так хочется лечь здесь и стать камнем – таким, как эти. И лежать здесь тысячу лет, и ничего не знать. А потом чтобы весенняя вода тебя смыла и перекатила на другое место. Вот это жизнь, а?

Я молчал и разглядывал горы. Что ответить этому человеку? Да и стоит ли вообще отвечать?

От дороги донесся свист. Костя махал руками:

– Эй, там, поехали, что ли?

Вздыхнув, Эюб поднялся и уверенно пошел к машине. Через два часа мы уже были в Верхнеусинском, но я навсегда запомнил этот серебряный родник. Это было самое нутро моей дороги на небо. Наверное, именно там, с первым снегом Саян, моя душа приучилась молчать. Что было до этого? До этого была жизнь, которую я уже не помню. После этого – жизнь, которую я еще не понимаю. И абсолютная вечность между.

Въехав в Верхнеусинское, я понял, что никогда не уеду отсюда просто так. Это понимание далось мне счастливо и беспрекословно. Словно щелчок тумблера – раз, и я не вернусь в ту, обычную жизнь. Кантор прошел через бор, на пологих склонах которого росли высокие лиственницы, и перед нами разлеглась долина Уса.

Река к тому времени обмелела, проехали через брод. Светлая глина на обнаженных склонах играла в лучах раннего солнца, матово проглатывая свет – он тек дальше, искрсясь на кончиках высокой травы. Снизу вверх каждый стебель казался хрустальным, покачиваясь на ветру, звенел и переливался росистым колокольчиком.

Поднявшись в гору, где разлеглась деревня, мы встали. Я вылез из кабины, прыгнул на пепельный проселок, – белая пыль взорвалась, но тут же осела, – и приложив ладонь козырьком, чтобы не слепило солнце, осмотрелся. Было на что посмотреть. Почерневшие от старости, но белесые от ветра, высушенные летом, покрытые будто коростой соляной, срубы стояли там да сям, заборы – казалось, стоявшие и не одну сотню лет – покосились, налегая на траву. Высокая трава. Кругом только она. Тайга стояла далеко, у гор, а здесь, в долине Уса царил сильный ветер и запах сена. Но трава стояла не скошенная. Странно.

И никого. Ни единого человека. Даже собаки не брехали. Я вопросительно поглядел на Эюба.

– Тут это... в каждом дворе ружьишко. Тувинцы шалют, – шепотом предостерег он, – так что осторожнее.

Я сделал три шага от машины. Казалось, за нами наблюдали – за воротами двора, у которого мы остановились, слышалась возня. Потом грубый мужской голос спросил:

– Чего надо?

Костя побряхтел, неуверенно пробасил в сторону калитки:

– Егора нам. Мы за кедрачом.

Калитка отворилась, а за ней высветился детина лет двадцати, рыжий, здоровый, метра под два ростом. Ни дать не взять – Алеша Попович. Или еще хрен знает из какой сказки. Грозно произнес:

– Бати дома нет. С утра еще в правление пошел.

Я спросил детинушку:

– А где все-то?

Он смерил меня взглядом, сплюнул сквозь зубы и, глянув в сторону, откуда мы приехали, буркнул:

– Там же. В правлении.

– А зачем? – вопрос мой прозвучал глупо. Хозяйский сынок хохотнул:

– Любопытный сильно...

Эюб возмутился:

– Ты это... со старшими-то повежливей.

Детина хмыкнул и запер калитку. Эюб предложил:

- Пошли в правление.
- И где оно? – просил я.
- Щас узнаем, – заверил Костя и громко постучал в ворота. Но дверь уже никто не открывал. – Эй, – крикнул он, – правление-то где?

Тишина.

- Вот сволота, – прошипел Эюб. – Ладно, пошли.

Отойдя от ворот, мы заметили мужичка, что шел нетвердым шагом к реке:

- Правление где тут?

Качаясь былинкой, мужичок сплюнул под ноги:

- Правление? Да какое на хер правление. Нет никого, уже года два как. Сами управляемся, без правления. – Махнул рукой и поплелся дальше
- А хоть почта есть? – бросил я вдогонку.
- Почта есть. Эвон, – не оборачиваясь, он указал на тряпку, что трепыхалась на избе метрах в ста от нас. – Там почтальон сидит.

Мы оставили Костю сторожить кантор, а сами с Эюбом решили навестить почтальона.

В просторной избе пахло стружкой и полынью. Сморщенный старик с острой клинышкой бородкой, с заплывшими глазками и в форменной фуражке поприветствовал нас:

- Надо же, – крикнул он, заведя нас. – Дождались. Здоровы будьте, гости дорогие.
- Чего ж такие дорогие? – удивился я.
- Так тут уже давненько никого не приезжало. Вы первые. Письмо отправить хотите? Или позвонить? Ежели позвонить – линия оборвалась. Не получится. А письмишко можно. Через пару дней заберут.
- А где все? Начальство где? – осторожно поинтересовался я.
- Кто где, – начал рассказывать почтальон. – Семенов, староста наш, в Кызыл уехал. Матвейч в горы ушел с неделю как. Остальные, видать, дома сидят. Так что из начальства, – он крикнул и пригладил бороденку не без гордости, – только я.
- Ага, – протянул Эюб, – ладно. Тогда скажи, где орех взять можно.
- Орех? А нет ореха, – отрезал почтальон. – В позапрошлом месяце весь отдали. А вы, стало быть, тоже закупщики?

Я пробормотал:

- Типа того.
- А что, мил человек, – Эюб обратился к почтальону, – как тайга тут? Дурная?

Почтальон нахмурился, глазки его забегали.

- Ты слышь-ка... ежели письмо отправить – давай. А то некогда мне.
- Я про тайгу спросил. Темно в деревне ночью? Совсем темно?

Почтальон пристально посмотрел на меня. На Эюба. Сдался. Вдохнул. Аккуратно снял фуражку и, примостив ее на дощатом буфете, доложил:

- Так точно. Темно стало. Потому народ и дома сидит. А вы почему спрашиваете?
- Надо нам, – ответил я. – Откуда темень приходит?
- Да знамо откуда, – протянул почтальон. – С Саян идет. С неба самого.

Ну вот, – подумал я. Ну вот. Добралось, стало быть. Небо Денгер.

- Далеко?
- Так недалече. Верст пять.

Я улыбнулся. Посмотрел на Эюба. Он молчал, понурился, – глухо молчал.

- Эюб, сердце родное, вот мы и пришли. Чего невесел?
- Потому и невесел, – буркнул азербайджанец. – Что пришли.

– Что-то не так, – уронив эти слова, Эюб передал мне самокрутку, закрыл лицо ладонями, и я отчетливо видел даже сейчас, в полутьме веранды, как дрожали его пальцы, сухие пальцы с узловатыми суставами, с коричневой грубой кожей. Выдубленные сибирским временем.

Я докурил. Аккуратно отодвинул пепельницу.

Воцарилась тишина. Эюб сидел, спрятав лицо, я сидел напротив – на другом конце круглого, матерого дубового стола. Почтальон приютил нас в этот вечер – не бесплатно, конечно. На подоконнике, в вечереющем пятне верандного окна, мерцала золотисто-живым початая бутылка виски. Странно выглядела она в сибирской деревне, но вот – стояла.

Я выпрямился, расправляя плечи. Позвонки хрустнули. Напала зевота – все побеждающая, все съедающая и неотвратимая сытая зевота. Я закинул руки за голову, зевнул, еще раз потянулся.

– А что – не так? – выдохнул и с этим вопросительным выдохом облокотился на стол. Эюб положил ладони на столешницу, принялся разглядывать свои пальцы. Демонстративно и скучно.

– Все не так. Ты, – он осекся, лихорадочно соскребая заусеницу на ногте, и если б я не знал этого азербайджанца, то сказал бы: волнуется. Или действительно волнуется? – Вот ты не такой, как остальные. Я так думаю, ты – тот самый.

– Что это значит?

Он устало посмотрел мне в глаза.

– Ничего это не значит. Но работа моя заканчивается.

– Почему? – все еще не понимал я.

Он вскочил, отмахнулся, повернулся в окно. Смотрел, смотрел. Выдал:

– Не знаешь, да? Ладно, что говорить. Пришел – значит, пришел. Все. Точка.

Ладно, подумал я. Было так спокойно на душе – отчего, и не знаю. Просто спокойно. Как после сделанной тяжелой работы. Я – тот самый, неведомо какой? Ну ладно, тот самый. Пусть так. Готов поверить тебе на слово, Эюб.

Встав из-за стола, я вышел на крыльцо. В воздухе пахло влажной осенней травой, ветер настроился дуть с севера, словно выжидая добычу, он ходил все вокруг да около, смешиваясь то с теплом, то с холодиной, прячась по закоулкам тайги. Каменные утесы, что стояли неподалеку, а на самом деле – верстах в трех-четырех от крыльца, не пускали ветер к себе, и он обретался на равнине возле дома. На огороде. У яблонь. У высокой травы, чуть пожухлой, но все еще высокой. Ждал, когда можно убежать.

Я посмотрел на небо. Там, из-под низкого полога синих облаков, трепетало-полыхало солнце раскаленным шариком. Облака, подсвеченные снизу, раздалились золотом – рыжим, грязным золотом, и плавно рвались за спину, распространяя необычный свет – словно жидкое золото разлилось, смешалось с дождевой грязью, с хмарью, а после убежало молоком из кастрюли. Сущее золото.

Выйдя за калитку, я вдруг увидел, что по ту сторону дома, от одного края к другому, раскинулась радуга – настоящая, непрерывная, словно время в этой деревеньке – она сверкала всеми цветами, переливалась и празднично уходила ввысь. Тут же рядом образовалась еще одна. Я смотрел как зачарованный, но никак не мог ощутить, что это здесь, сейчас, что это со мной. Но это было – вот, потрогать только. Радуга. Мигом спустя от края до края легла еще одна – третья. Я охнул. Не веря своим глазам, оглянулся. На крыльце стоял Эюб и улыбался, запрокинув голову. Ветер трепал его редкие волосы вокруг лысины на макушке. Почувствовав, что я смотрю на него, он кивнул в сторону радуги – смотри, мол, чудеса какие. Я улыбнулся ему. Да, чудеса.

Еще немного подумав, свет вдруг распался, и над двором повисли сумерки – едкие, тягучие сумерки. Я вернулся на веранду. Эюб прошел за мной и закрыл дверь. Мы снова сели за стол – тот стоял в самом углу веранды. Я спросил:

– Где твои родные, Эюб? Жена, дети? А?

Азербайджанец отвернулся к окну, смахнул с подоконника крошки и пыль, облокотился на него – доска скрипнула, прогнулась. Разлилась чернилами сибирская ночь, только сорокаваттная лампочка кое-как выхватывала траву на дворе.

Он вздохнул тягостно и безысходно, закрыл глаза ладонью и, давясь памятью, словно сухим хлебом, рассказал мне:

– Я в этих краях еще в армии служил. Потом на родину съездил, думаю – чего там делать? Тесно. А здесь – простор. В армии помню, хакасы рыбу ловили – Енисей раскинется в половодье, потом уйдет вниз – а на отмелях сиг... вилами бей и клади. Но мама в Ширване болела, я ее выхаживал. Умерла – сюда рванул. Еще и братьев вызвал, они расселились. Семей обзавелся, детишками. Трое их было. Завел место на рынке – обувью торговать. А так еще спиртом приторговывал. Прямо из дому. Два года назад... Я за товаром ушел, вернулся – нет их. Дома нет. Жены нет. Детей нет. Все сгорело. Одна зола осталась. Хакасы за спиртом пришли – спирта нет. Они спичкой – чирк, сожгли все. А спирта не было. Кончился спирт. Здесь вот, – Эюб показал на сердце, – больно, а ничто сделать не могу. Живу. Костя свел меня с Юрием Ивановичем. С партнером нашим. Он работу предложил. Так и затянуло. Сам виноват, – он махнул рукой, – и ведь знаю, что уйти надо. А не могу. Вот таких, как ты, вожу.

Я перекачивал спичечный коробок с ребра на ребро, слушал, как спички шуршали и толкались в тесноте. Потом отбросил его. Он шлепнулся возле бутылки и намок.

– Чего молчал, не рассказывал?

Эюб смахнул память, словно утреннюю дремоту, повернулся ко мне, лицом в эту теплую и понятную горницу, кивнул на бутылку.

– Разливай.

Это был тот самый вискарь, еще одно чудо сегодняшней ночи. Ощущая в руках приятную тяжесть бутыля, вдыхая аромат дубовых бочек, я плескал жидкость по неудобным рюмкам с золотым ободком на тонкой ножке – их, видать, еще при Сталине в сельпо завозили – и думал: вот сейчас хорошо, как в последний час перед боем, а впереди... Не знаю, что впереди. Озноб поколачивал меня, но только до первой рюмки. Потом его не стало. Жахнув, я прикрыл глаза. Эюб вернул меня в реальность. Он хрустнул соленым огурцом, резонно заметив перед этим:

– А ты разве рассказывал?

– Про что? – не понял я.

– Про семью свою. Про то, что нет у тебя никого...

– Откуда знаешь, что нет? Вон, Стася говорит, что есть.

– Баба – она баба и есть, – небрежно бросил азербайджанец, снова разливая виски по рюмкам. – Дома не ждут тебя, так ведь?

Я кивнул. Пропустив еще по одной, мы развалились на стульях, сыто погрузнели. Эюб закурил самокрутку – нет, сигар у нас так и не появилось, – и шурился теперь через облачка дыма, глядя на меня. Ждал, что я скажу. Я меж тем качался на стуле, глядел в окно и потихоньку тупел. Половицы подо мной скрипели, а я не слышал – действительно тупел. *Говорить об этом я мог только так... отупев.*

– Жена была. Погибла. Совсем недавно. Я ей сказал, что уйду. Совсем уйду. Навсегда. Ночью разосрались в пух и прах. Утром прогуляться вышел, вернулся... а она. Мертвая в ванной. Врач сказал, сердце не выдержало. Вот и все, – громко стукнув передними ножками стула об пол, я перестал качаться. – Так вот получилось. Не я ушел, а она ушла. Говорить больше нечего.

Азербайджанец молчал.

Говорить и правда было не о чем. Но меня беспокоила еще одна мысль. И уже давно.

– Слушай, Эюб, – вспомнил я. – Скажи... Юрий-то Иванович знает, чем ты тут занимаешься?

– Знает? Он? – Эюб снова вздрогнул, как когда-то. Но сдержался. Даже улыбнулся.
– Ха, Юрий Иванович. Да он же вас сюда и присылает. Набирает вас там, по столицам, а я возись... Смешно даже.

– Что смешного? Орех кедровый, все дела.

Эюб махнул рукой:

– Какой орех! Забудь. Это так, для отвода глаз. Юрий Иванович, он... такой, знаешь ли, человек. Большой человек. Он неборожденного ищет.

– Кого-кого? – переспросил я.

– Того, кто ушел тысячу лет назад через небо Денгер и больше не возвращался.

– Тысячу лет назад, – припомнил я лекцию Артаса в краеведческого музея, – пропал хан Элетмиш, уйгурский каган. Так он его ищет? Как же он его ищет, если это тысячу лет назад было? Мумию, что ли?

– Не знаю. Он человек ученый, а я так... Вожу вот.

– Но что там, а? – не вытерпел я, спросил. – На небе Денгер?

Эюб поскреб лысину.

– Так не знаю же...

– Брось. Знаешь, – я был уверен на все сто.

Он усмехнулся.

– Тебя не обманешь.

Немного подумав, азербайджанец мечтательно, глядя куда-то внутрь себя, произнес:

– Там ворота каменные. А за ними – небо. Большое небо, красивое. У меня на родине такое небо. Денгер. И во все стороны оно – куда ни глянь. Небо такое, что упасть в него хочется, как в колыбель. Понимаешь?

Азербайджанец вздохнул, улыбнулся, словно ребенок. Морщинки лучились вокруг печальных глаз. Все-таки ему сорок, – подумал я вдруг. В иные времена был бы совсем стариком.

– Только Денгер каждого по-своему встречает, – сказал Эюб. – Кому свинцом в плотку залетится, кому глаза залепит. У кого на что ума хватает. Или кто чего боится – то с ним и происходит. Они обратно все вываливаются. Боятся. А ты не бойся ничего. Иди себе вперед. Оно тебя по-своему примет. Салым-чаяан у тебя хороший, помнишь?

Я кивнул – помню, да. Салым-чаяан. И таварылга.

– А тебя оно как встретило? – спросил я Эюба. – Твое небо?

Глаза его мигом стали безжизненными, он потускнел и буркнул:

– Неважно. Ну, что – идешь?

Иду. Я иду, Эюб. Что бы там ни было впереди – оно всяко лучше. Наворачивая на себя рюкзак, я поинтересовался:

– А темень эта, что тайгу жрет – она оттуда же? Да?

Эюб кивнул. Поправил мне лямки.

– Да. Много людей туда вошло. Разных людей. Небо ведь не выбирает. И Юрий Иванович – он ведь тоже не отбирал особо, что на душе у человека. Не видел он. А я видел. – Эюб ожесточенно дернул последнюю лямку на моем рюкзаке. – Небо это, Денгер, оно душу берет, и само душой становится. Если душа черная, или серая даже – как капля мазута в чистой воде, все испортит. И потом обратно же через ворота и выльется. Так и случилось. Люди дурные, и с дурью пришли. Вылилась темень, а кому остановить – не знает никто.

Все, что Эюб говорил мне, пронеслось, словно гудящие в ночи поезда, шумом стальных колес о стыки рельсов, желтыми огнями окон и воздушной волной. Нет, это ветер был... как в детстве, когда я стоял у железнодорожной насыпи и смотрел, как в ночи пронесется скорый... за бетонной оградой что-то жило и несло с безумной скоростью, а я стоял в безопасном месте и смотрел. Теперь я чувствовал себя так, словно ступил на насыпь и пошел по рельсам. Вот-вот снесет.

Я тряхнул головой, отгоняя плохие мысли, залез за пазуху. Проверил амулет, что дарила мне Стася... Он висел на шее и словно стал горячим – или мне казалось – как уголек?

– Слышь-ка, – я дернул Эюба за рукав, – вот эту вещичку бандеролью отправь. Я тебе адрес дам, куда. Ага?

– Зачем еще?

– Не спрашивай. Сейчас все напишу.

Сбросив рюкзак, я схватил огрызок карандаша, выдернул газету «Советский спорт» из-под кучки лука-сеянца и накарябал на полях свой домашний адрес.

– Значит, вот что, – я сунул талисман Эюбу, – отправишь на этот адрес. В сопроводилровке напишешь... пиши, ну, – и протянул карандаш Эюбу.

Тот посмотрел на меня, как на умалишенного, но послушно записал: «Я тебя очень люблю. Не уходи. Что бы ни случилось».

Возможно, я уже верил в чудо. Возможно, я был уже не здесь. А может, дело было в неведомом вискаре и в самокрутках, я не знал. Тогда не знал. Теперь знаю.

– Сделаю, – пообещал азербайджанец.

Пожав руку Эюбу, обнявшись с ним по-братски, я, недолго думая, прихватил рюкзак и пошагал по дороге, уводящей из деревни. Стало совсем темно, и долина Уса встречала безмолвием и стоном ветра.

ХІ

Вначале... нет, не так. Начала нет. Только все, что вокруг. Все-ленная. Черт, я не могу подобрать слов. Понимаешь – это как... как – ты здесь и везде. И тебя нет. Как кошка в коробке – жил себе жил, везли тебя куда-то в громком поезде. А потом раз – и выпустили на даче. И все. Нет ничего – и есть все. То есть ты растворяешься.

Полная луна взыгралась ярко, разгорелась. Я стоял до ворот. Огромная арка, в три роста, будто сложенная ребенком из неотесанных камней. Ветер стонал, маленькие камушки, лежавшие у подножия, стучали друг о друга. Тук-тук. Тук-тук. В ногах путался черный песок. Вниз текли ручейки черного песка, как будто черные змеи шевелились... где-то я их уже видел. Прах к праху. А внизу, за пределами этой маленькой каменной площадки – черные саваны ущелий. Верхний Ус. Люди. Эюб.

Сперва я подумал, что ничего не изменилось. Ну да. Ничего. Я огляделся по сторонам, переминаясь с ноги на ногу – арка из камней стояла впереди. Сквозь нее я видел черную громаду большого камня на той стороне. Но тут камни застучали, как маленькие барабаны. Ритмично, отчаянно. Сквозь арку я видел, как за большим камнем заворочалась тень. Луна на миг скрылась за облаком, все потонуло в неведении, но облако растаяло, обнажая холодное пламя ночного светила, и я увидел ее.

Я увидел тебя. Да, я увидел тебя... все началось с того момента, как я увидел тебя, умопомрачительную, недвижимую, мертвую. Из ванной, доверху заполненной водопроводной водой и одобренной солью из Мертвого моря, твоя душа тихо дрейфовала во всемирный океан.

День тогда выдался пасмурным. Осень, как это бывает в Питере, развезло, и все стало серым. Проснувшись около девяти, я лежал на боку и смотрел на тебя, еще живую. Из головы не выходил вчерашний разговор. Бог мой, как мне хотелось, чтобы ты проснулась. Я бы объяснил тебе все, спокойно, рассудительно, как я умею. Но в свете уличных фонарей ты видела сны, не видела меня. Легонько коснувшись твоих волос, я вылез из кровати. Ждать, пока ты проснешься, я не мог – ожидание хуже пытки, когда хочешь что-то объяснить, – поэтому сварил кофе и, одевшись, вышел во двор. Автомобиль услужливо пискнул и осветился фонарями – садись. Я сел. Провел рукой по торпедо, ощущая подушечками пальцев пластик, его шероховатость и прохладу. Прокатимся.

Полчаса спустя, после бесцельной гонки по питерским улицам, я припарковался на пустынной улице, прямо рядом с береговой линией залива. Линией это сложно было назвать: только серая тоненькая ниточка соприкосновения неба и земли. Поддерживаемые подпорками, зябли на влажном ветру чахлые деревца не выше человеческого роста, да собачники выгуливали своих питомцев – все, что чернотой выделялось на сером просторе. Я сидел, сжимал руль и смотрел в окно пассажирской двери. Засохшая грязь на стекле – нелепо брызнутая акварель – дорисовывала картину, что я видел, и мне совсем не хотелось вылезать. Я сидел и смотрел.

Потом я закрыл глаза и наступила полная чернота. Свет, свет, помоги мне... нарисуй новую жизнь. Новый мир. Пусть кто-нибудь войдет сейчас и скажет: это я, и я тебе все расскажу. Зачем я здесь? Что меня сюда привело?

Свет полыхнул и исчез: я видел, что берег, куда ходил когда-то купаться, исчез. Теперь здесь строили пассажирский порт – просто намыли песка, и воды не стало. Я видел, что изменилось все – небо, земля, вода, – и я изменился, потому что сидел в собственной машине и смотрел на все несколько с другой точки, когда, будучи студентом журфака, бродил здесь по песку и выискивал счастье, жившее неподалеку.

... все перевернулось – или нет, скорее вернулось. На какую-то другую вселенную. На какие-то другие круги. И по каким-то другим законам. А в том, прамире, я ковырял палочкой ракушек и вдыхал запах водорослей – кому-то отвратительный, кому-то родной. Толстые, оголенные водой бревна валялись на берегу, кое-где на них устраивались отдыхающие парочки... ворковали и целовались, как голуби... я бросал ракушки в воду. Я возвращал их домой. Они были благодарны мне. Если когда-нибудь ракушки теньями придут к царю морей, их спасибо станет мне спасением. Финский залив волновался, как невеста на выданье. Барашки кудрявили мутную воду, ветер рвался на берег и слизывал слезы с моих щек – они не от боли возникали, а просто так... резало глаза... Я сидел на вековом бревне и глядел на горизонт. Ракушки поблизости кончились. Точка на горизонте увлекла меня вечностью. Я смотрел на нее. Вечность смотрела на меня. Потом я поежился, встал и пошел к белопанельным кварталам, к бетонному безумию полуденного августа... туда, где ты жила.

Открыл глаза. Ничего не изменилось. Осенняя хмарь. Собачники и деревья. Только мелькнул кусочек той, прошлой жизни. Тонкой влажной струйкой он влился в аорту и, перемешавшись с кровавыми тельцами, наполнил меня. Выйдя из машины, я выскочил на слякоть, легкие ботинки мигом стали влажными, но это ничего... это мелочи. С блаженной улыбкой я прошелся туда-сюда, расправил плечи и встал, упершись глазами в расплывчатый горизонт. Как тогда. Но вечности не было – ее и не должно было быть. Она не смотрела на меня, а я не смотрел на нее – все было сейчас по-другому.

Вечность теперь была внутри. Не стоило и тратить силы, чтобы в нее заглядывать.

А потом... потом я вернулся в квартиру. Доставая ключ, чтобы отпереть замок, я случайно толкнул дверь. Она приоткрылась. Странно. Выходя утром на лестницу, ключ я провернул два раза – это точно. Осторожно протиснувшись в прихожую, я скинул мокрые ботинки и прошелся по квартире. Никого. Что-то кольнуло сердце, на загровке стало жарко. Уже чуя запах беды, я открыл дверь в ванную.

Ты была там. Плавала в наполненной до краев емкости, лицом вниз. Жар на загровке сменился холодом, я метнулся к тебе, перевернул тяжелое тело навзничь... понял, что мертва. Мертвее не бывает. Проверил машинально пульс, а потом сполз по стеночке, присел на табуретку, стоящую рядом, и закрыл лицо ладонями.

Вот ты и вышла опять, темень...

XII

Тревожно... дрожь проскочила внутри, заметалась вверху живота. Скользнула за загровку. Я зажмурился. Сел.

Успокоиться. Дышать ровно. Вдох-выдох. Не хватало только паники. Кое-как наладив дыхание, я шумно выдохнул и медленно поднял глаза. За воротами сидела – ростом метра в два – птица с женским лицом, *так напоминавшим...*

– Господи, ты здесь? – прошептал я.

Птица покачала головой. Легкой тенью по ее лицу пробежало беспокойство, но тут же взор ее снова стал безмятежным. Растягивая слова, не умея и будто учась говорить, она произнесла:

– При...шел.

Я теребил ремни рюкзака и понимал, что сказать нечего. Просить нечего. Пришел, да. Сюда. Где исполняются желания. А у меня нет ни желаний, ни слов, даже самых завалящих.

– О...дин? – произнесла птица.

Один. Да. Влага защипала уголки глаз, как только я вспомнил лицо... *твое лицо*. Птица посмотрел прямо мне в глаза – взгляд ее, глубокий и светлый, как гладь платана под содранной корой, шарил в моих зрачках... *рукой, потерявшей кольцо на дне реки, лучиком карманного фонаря на ночном шоссе, вопросом посреди пустынной площади*.

– Хочешь быть... один? – произнесла она.

– Я хочу... разобраться, – выдавил я, пряча слезы за отчаянным скрежетом зубов, и вцепился в лямки рюкзака так, будто от него зависело, что будет дальше.

– Ты не виноват. Этого хватит? – спросила она.

Я молчал. Хватит ли? Чего? Хватит ли мне этого – знать, что я не виноват? Но ведь она была... *ты была столько лет со мной*. Живая. Я сбросил рюкзак и почти вцепился в камни, отчаянно вдыхая ночное, опущенное светлячок луны небо и не чувствуя гортани. Оно опускалось на меня холодным прессом, вдавливало в землю. Немного поборовшись, я застонал.

– Нет. Я... Верни мне ее.

– Посмотри, – оживилась птица, тихо прошелестела крыльями, складывая их на спине, горестный вздох огласил окрестности криками сотни воронов. Ветер поднялся, размывая небо. – Посмотри, как много всего ты узнал без нее. Разве тебе плохо?

– Верни, – упрямо повторил я и почему-то зашептал, горячо и отчаянно зашептал: – Я без нее – половина человека. Я так не смогу. Не в том дело, виноват я или нет. Она... она такая живая. Просто она должна быть, понимаешь? Она. А я нет. Она, понимаешь? Она будила меня по утрам запахами с кухни... она... так хохотала, когда мы вместе заправляли одеяло в пододеяльник. Она должна жить. Верни. Мне. Ее. – Я с шепота почти перешел на крик, я орал на вещь птицу. Это, верно, не по правилам – орать на вещей птиц.

Она внимательно смотрела на меня. Открыла рот – или клюв, не знаю, и спросила:

– Я верну. Что ты оставишь... взамен?

– У меня ничего нет, – я устало опустился на землю рядом с рюкзаком, провел рукой по холодным камням. – Возьми меня, если хочешь. Что ты там забираешь или отдаешь? Ну вот, возьми.

– Ты жертвуешь собой, чтобы она жила? – вопрос повис в воздухе, и уже через мгновение все исчезло. Птица, арка, ночь. Я обнаружил себя сидящим на корточках на берегу серебряного ручья – *когда-то это уже было со мной*. Я смотрел на свое отражение в трепетной водной глади – и не мог узнать. Волосы седы. Морщины истерзали лицо. Закрывая глаза руками, я видел борозды, что исполосовали ладони, – глубокие, стариковские борозды. Иссохшая, как пергамент кожа. Прожилки, утонувшие в дряхлости. В голове из ниоткуда зазвучал голос вещей птицы:

– Через много лет она умрет снова, и ты не вернешь ее. Дважды от смерти не спастись. Потом уже все.

– Верни мне ее, – прошептал я. – Пожалуйста.

Перо опустилось рядом со мной на воду. Круги разошлись, как от брошенного камня. Я поднял глаза. Птица сидела неподалеку. Ручей уже шелестел крошечном нерастаявшем снеге на воде – *и этот снег я уже видел когда-то*. Ветер дул сильнее и сильнее. Птица повернула ко мне голову. Кивнула, издала яростный клекот, воспарила в небо и исчезла в непроглядной высоте. Как все-таки меняется погода здесь, – удивился я.

И снова оказался у ворот. Птицы не было. Внутри арки клубилась темень – та самая, что я видел в тайге. Ее края полыхали бледным огнем, освещая все вокруг. Я понял, что птица слышала мои слова, но теперь... я должен туда войти.

Достав из кармана бумажник, я вытащил твою затертую фотокарточку – маленькое яркое пятнышко на серой простыне моей жизни. Я глядел и вспоминал... всю свою жизнь с тобой, такую бестолковую, но такую нужную. Для нас нужную.

Черт, а вдруг все не так? Что случилось в тот день? Именно в тот день, накануне. Я просто захотел уйти. Мне все к чертям надоело. Почему я не могу просто так – взять и уйти? Тысячи людей сходятся и расходятся. Ничего не происходит. Это же просто – уйти. Отпустить. Черта с два. Нечего меня во всем обвинять, слышишь?!

Что же такого я сделал, что у тебя не выдержало сердце? Нет, подожди. Так не может быть. Надо разобраться.

Эту мысль я не успел додумать.

...птицы не было. И никакого неба за воротами не было. Врал Эюб. Только темень. Я почувствовал, как по щеке поползла влажная дорожка. Я плакал. Плакал. Я не плакал с того дня, как ты погибла. Ни разу не плакал. Но теперь, в тысячах километров от своего дома, переставшего быть моим, я плакал. Впереди стояли ворота, через которые мне нужно было пройти. Я погладил подушечками пальцем шероховатую поверхность фотографии, бледный отпечаток на фотобумаге, положил обратно. Я пройду через это с тобой. Ты мне поможешь.

И я шагнул в самое нутро темени. Наступила тьма. После тьмы уже ничего не было. Она поднялась во мне – от кончиков пальцев до макушки – как чернила в мензурке, заполняя дюйм за дюймом, окрашивая все в черное. Я стоял на черном листе ночи, в час сердце выдавало по одному удару, но этого, хватало, чтобы гнать по венам не кровь, а темень. Я стоял, обездвиженный, я испарялся. Меня не было. Пустив в сердце темень, я ждал, когда оно впитает ее, словно губка – всю, до капли. Я хотел унести ее отсюда, насовсем, унести и не вернуться, чтобы меня, как клеща, напившегося крови, кто-то придавил ногтем. Эта темень была заражена. Я знал это, я хотел кричать – но слышать было некому. Я закрыл глаза и не видел окружающих меня гор и камней. В желудке этой ночи варился не только я сам, но и переваривал темень внутри, и когда дышать стало совсем нечем, я...

XIII

Открыл глаза. Ничего не изменилось. Снег был. Были собачники и деревья. Я дернул ключ в замке зажигания, включил вторую и рванул к дому. Только бы успеть, только бы успеть, – лихорадочно билось в мозгу. Как я доехал – не помню. Бросил машину, взбежал по лестнице одним махом. На лестничной клетке стоял запах жареной, чуть подгоревшей картошки, я ещё подумал – как можно завтракать картошкой? Пахло сыростью после влажной уборки. Я смотрел на коричневое полотно двери, боясь прикоснуться к нему. Наконец решился. Дверь была приоткрыта. Я зашел в прихожую. На кухне что-то жарилось. Потом я услышал твой голос, немного осипший от насморка и слез.

– Ты вернулся? Смотри, тут почтальон принес пакет – я еще не открывала. С какого-то Верхнеусинского. Что-то есть там внутри, может быть, ценное? И этот текст. Объяснения в любви какие-то нелепые. Даже не знаю... Хорошо все-таки, что ты вернулся.

Я вернулся, да. Вот и все. Через год на свет появился наш первенец. А через пятнадцать лет – вот, кресло 7А. Рейса «Москва-Абакан». Амулет в виде кнута, вырезанный из кости, лежит на откидном столике передо мной. Я пишу тебе. Рассказываю то, что никогда не рассказывал. И я снова лечу туда, в Саяны. Туда, где все началось или все закончилось – я даже не знаю. Вряд ли я найду Эюба, Стасю, Алтын-чоя и всех, кто был тогда рядом. Но я хочу побывать снова на небе Денгер. Может, оно ответит мне, как жить неборожденным?